

ЗАДАЧИ СОЦІАЛИСТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ.

Изданіе Л. Постмака и Б. Ревзика въ Берлинѣ.

III.

Эд. Бернштейнъ

Парламентаризмъ и соціаль-демократія.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типо-литографія „Энергія“, Загородный просп. 17.

1906.

2007112602

Парламентаризмъ и соціалъ-демократія.

I.

Вся соціалистическая литература, если не считать литературы утопическаго соціализма отживающаго феодальнаго вѣка, каковой соціализмъ часто являлся больше буржуазной, чѣмъ пролетарской оппозиціей существующему строю, состоитъ, главнымъ образомъ, изъ критики политическихъ идеаловъ капиталистической буржуазіи. Соціалистическая критика нападаетъ не только на буржуазный способъ пріобрѣтенія, но и на соціальный образъ жизни—въ особенности, на семейные нравы и политическія стремленія—буржуазіи.

Уже во время англійской революціи 17-го вѣка радикальная народная партія левелистовъ, которая, правда, не носила и не могла носить пролетарскаго характера (она опиралась на ремесленниковъ и крестьянъ), боролась противъ господства парламента и парламентскаго войска и предлагала для осуществленія законодательной формы, названной ими «народнымъ договоромъ», *прямое народное юлосованіе*. Согласно этому «народному договору», явившемуся предтечей «общественнаго договора» Руссо, парламентъ имѣеть подчиниться цѣлому ряду такихъ постанов-

лений, которыя, въ связи съ предполагаемымъ демократическимъ избирательнымъ правомъ, должны были бы отнять, по возможности, у парламента характеръ представительства класса «gentry», помѣстныхъ дворянъ,—этого соединенія не-феодалнаго земледѣльца и буржуа. Такими постановленіями является: ежегодное возобновленіе депутатскихъ выборовъ, запрещеніе засѣдать въ парламентѣ одному и тому же лицу въ теченіе двухъ, слѣдующихъ одинъ за другимъ, легислатурныхъ періодовъ, исключеніе практикующихъ адвокатовъ изъ парламента. Еще больше достается парламенту въ литературѣ коммунистической секты «истинныхъ левелистовъ». Здѣсь не скупятся на рѣзкости по адресу парламента, который они иначе не называютъ какъ „измѣнническимъ парламентомъ“. Въ „Law of Freedom as a Platform“, излюбленной утопіи Дж. Винстэнли, вождя этой секты, фигурируетъ, правда, парламентъ, но онъ лишень всякой матеріальной возможности поддерживать господство какого нибудь класса; предоставленная ему роль совпадаетъ съ ролью секты. Когда выясняется возможность провести въ жизнь политическія реформы левелистовъ и коммунистическіе планы „истинныхъ левелистовъ“, то квакэры, въ движеніи которыхъ сливались оба указанныхъ теченія, начинаютъ проповѣдывать полнѣйшее воздержаніе отъ участія въ борьбѣ партій за политическую власть. Это было правиломъ поведенія, котораго *имъ* было довольно легко держаться, такъ какъ законъ разрѣшалъ вступленіе въ парламентъ только исповѣдовавшимъ всѣ 39 тезисовъ оффиціальной церкви. Въ извѣстномъ отношеніи могутъ быть отнесены къ анти-парламентской литературѣ анлійской революціонной эпохи также и политическіе проекты Гаррингтона, автора „Осеана“,

ибо и они требуютъ строгаго отграниченія законодательнаго учрежденія отъ законсовѣщательнаго, а въ первомъ стремятся, разъ навсегда, обезпечить большинство неимущимъ классамъ путемъ соотвѣтственно подогнанныхъ выборовъ по классамъ¹⁾. Нападки же роялистской народной прессы на парламентъ такъ же мало относятся сюда, какъ и критика парламента Кромвелемъ и его ближайшими приверженцами.

Своего полнаго развитія англійскій парламентаризмъ достигаетъ только послѣ революціи 1688 г. Обѣщанныя въ 1689 г. „биллемъ о правахъ“ палатѣ общинъ прерогативы, наряду съ принятымъ въ 1716 г. рѣшеніемъ продлить легислатурный періодъ до 7 лѣтъ, способствовали развитію такой системы, при которой двѣ большія партіи смѣняли другъ друга у кормила правленія и при раздачѣ должностей; эта система служить съ тѣхъ поръ своего рода предохранительнымъ клапаномъ противъ возвращенія къ личному режиму. Между тѣмъ, введенное въ 1711 г. и отмѣненное только въ 1858 г. ограниченіе пассивнаго избирательнаго права (въ качествѣ представителей городовъ могли быть избираемы только собственники недвижимаго имущества, приносящаго ежегодно, по крайней мѣрѣ, 300 фунтовъ стерлинговъ и 600 ф.— для представителей графствъ) гарантировало парламенту характеръ собранія членовъ большого клуба элегантнаго «свѣта», «высшихъ десяти тысячъ».

Такимъ онъ былъ, когда молодой Вольтеръ къ концу 20-хъ гг. 18-го столѣтія рисовалъ его фран-

---

¹⁾ Имущіе и неимущіе классы должны выбирать отдѣльно; послѣдніе должны имѣть 600, а первые—450 депутатовъ. Демаркаціонной линіей является годовою доходъ въ 100 фунтовъ стерлинговъ.

цузской буржуазіи самыми яркими красками въ своихъ „Lettres sur les Anglais“. Двадцать лѣтъ спустя парламентаризмъ находитъ себѣ научнаго апологета въ лицѣ Монтескье, который въ своемъ „Духъ законовъ“ выставляетъ англійскія политическія учрежденія, какъ идеаль конституціи, а Англію воспѣваетъ «какъ самую свободную страну изъ всѣхъ странъ міра, включая республики». Монтескье полемизируетъ съ Гаррингтономъ, котораго онъ упрекаетъ въ томъ, что онъ, Гаррингтонъ, трудился надъ сооруженіемъ фантастическаго Халкедона, имѣя предъ глазами Византію“ (vol. IX, chap. 7). Очевидно, что знаменитому президенту суда въ Бордо было неизвѣстно, что писанія Гаррингтона, съ которыми Талонъ познакомилъ французовъ впервые въ началѣ 18-го столѣтія, и которыя своимъ неустаннымъ подчеркиваньемъ зависимости политической структуры отъ соціальной оказали такое значительное вліяніе на политическую литературу Франціи, что встрѣчаются слѣды его въ конституціяхъ Великой революціи,—возникли въ такое время, когда «Византія», приводившая въ восторгъ Монтескье, только имѣла народиться. Въ остальномъ Монтескье, какъ политикъ, служитъ выразителемъ домоганій судовъ тогдашней Франціи, которые тоже носили названіе парламентовъ и находились въ постоянномъ конфликтѣ съ королевской властью. Восхищеніе англійскимъ строемъ жизни, вызванное Вольтеромъ, доходитъ у него до апогея. Англія и ея конституція сдѣлались для французской буржуазіи политическимъ іерусалимомъ, не смотря на всѣ торговыя и колоніально-политическія столкновенія между этими двумя странами, пока въ лицѣ Руссо «англоманія» не нашла себѣ опаснаго противника.

Руссо въ своемъ «Общественномъ договорѣ» про-

тивопоставляетъ принципу раздѣленія властей, возведенному Монтескье, принципъ нераздѣленнаго и неотчуждаемаго народовластія. Каждое государство должно разсматриваться какъ базирующее на *договорѣ*; оно покоится, если не на высказанномъ, то, во всякомъ случаѣ, на молчаливомъ соглашеніи. Благодаря этому договору, устанавливается суверенитетъ народнаго цѣлаго надъ правительствомъ. Между правительствомъ и народомъ не можетъ существовать соглашенія, по которому народъ долженъ былъ бы отказаться отъ своей верховной власти; всякое правительство является только посредникомъ, уполномоченнымъ своего суверена—народа, точно также и всѣ дѣйствія парламентскихъ депутатовъ нуждаются въ народной ратификаціи. Англійская свобода—иллюзія, такъ какъ «англійскій народъ свободенъ только въ день выборовъ депутатовъ», все остальное время онъ—«рабъ парламента». Система политическаго представительства есть въ дѣйствительности только пережитокъ несправедливостей феодальной эпохи.

Этими разсужденіями Руссо, сознательно или безсознательно, возвращается къ ходу мыслей англійскихъ левелистовъ, но даетъ имъ обобщенное выраженіе, примѣнительно къ тону, которымъ велись тогда дебаты во Франціи. Жалобы левелистовъ на «тираннію парламентовъ», на «народныхъ представителей, которымъ пришлось по вкусу верховная власть, и которые стремятся, превысивъ компетенцію обыкновенныхъ слугъ народа, стать его господами, чтобы превратиться въ тирановъ» (Письмо «агитаторовъ» Аллена, Сексби, Шэперда къ генераламъ Ферфаксу, Кромвелю и Скиппону въ апрѣлѣ 1647 года), находятъ себѣ здѣсь философски окрашенное эхо. Какой оживленный откликъ Руссо нашель во Франціи—извѣстно. Благодаря еще

войнѣ съ Англіей, завязавшейся во время появленія его «Contrat Social» (1762 г.), англоманія, естественно, вышла изъ моды; кромѣ того, вопросъ о послѣднемъ носителѣ высшей государственной власти пріобрѣтаетъ въ то время особенную жгучесть, благодаря длившейся цѣлые годы ожесточенной борьбѣ правительства съ парижскимъ парламентомъ. Соціальная критика обнаруживаетъ все большее тяготѣніе къ коммунизму, политическая—все сильнѣе стремится къ демократіи.

Уже до Руссо Мабли въ своей статьѣ: «О правахъ и обязанностяхъ гражданъ» (1758 г.) обращается къ королю устами фиктивного лорда: «Кто ты такой? Не Франція принадлежитъ тебѣ, а ты ей! Ты—ея слуга, ея протоколистъ, ея дѣлопроизводитель». Относительно парламента сказано въ той же статьѣ знаменитаго коммуниста: «О, милордъ, милордъ! Если бы Вы видѣли этихъ господъ такъ же близко, какъ я ихъ видѣлъ, еслибъ Вы дебатировали съ этими *patres conscripti*, которые ничуть не лучше настоящихъ бандитовъ, если бы Вы знали, какъ испорчены всѣ не янсениты, и какъ одержимы однимъ желаніемъ—получить какъ можно болѣе высокую плату—всѣ, принадлежащіе къ янсенитамъ! Еслибъ Вы знали, какъ доступны наши законоистолкователи, несмотря на все свое тщеславіе, вліянію большихъ баръ, и какъ легко какому-нибудь придворному поддѣтъ ихъ своимъ любезнымъ обхожденіемъ! Сдѣлайте мнѣ одолженіе и повѣрьте, милордъ, что намъ нечего ждать отъ этихъ маленькихъ людишекъ!»¹⁾

---

¹⁾ Mably, Des Droits et des Devoirs du citoyen, lettre sixième. Въ цитированномъ мѣстѣ сказано дальше слѣдующее: „Occupés du moment présent et de leurs rentes sur l’Hotel-

Еще болѣе рѣзкія ноты раздаются спустя десять лѣтъ въ сочиненіяхъ Лингэ. Но его критикѣ, какъ и критикѣ цѣлой плеяды единомышленниковъ-писателей, недостаетъ практическаго примѣненія. Они борются противъ того, что только имѣетъ быть созданнымъ, и поэтому ихъ проекты, какъ, впрочемъ, и проекты самого Руссо, полны противорѣчій, а подчасъ даже прямо реакціонны.

Лингэ прославляетъ старое феодальное государство, а Мабли, въ остальномъ столь безобидный, носится съ проектомъ аграрнаго коммунизма сомнительнаго достоинства, объявляя, что свобода его вѣка «состоитъ въ возможности разрывать старыя цѣпи только затѣмъ, чтобы тутъ же получить новыя».

Картина тотчасъ же мѣняется, когда собираются Генеральные Штаты и превращаются въ Національное Собраніе. Однимъ изъ первыхъ, который этому учрежденію противопоставилъ принципъ народовластія, какъ его понималъ Руссо, былъ Маратъ. Уже въ первомъ номерѣ своего «Publicist Parisien» онъ въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ высказывается противъ двухпалатной системы и противъ королевскаго veto. Veto противъ рѣшеній Законодательнаго учрежденія принадлежитъ націи, и никому больше.

---

de-Ville, ils ne se conduisent qu'an pour le jour, ils ne travaillent qu'à faire durer la machine autant qu'eux, l'avenir les inquiète peu: *après eux le déluge*».

(Занятые лишь интересами минуты и своими доходами въ муниципалитетѣ, они не думаютъ о завтрашнемъ днѣ. Всѣ ихъ усилія направлены на то, чтобы государственный механизмъ дѣйствовалъ пока они у власти. Будущее причиняетъ имъ мало горя: „послѣ насъ хоть потопъ“. Изреченіе: „послѣ насъ хоть потопъ“, какъ извѣстно, было впоследствии приписано М-те Помпадуръ. Въ дѣйствительности, оно встрѣчается здѣсь впервые въ литературѣ.

Въ то время какъ Петіонъ, перешедшій въ послѣдствіи къ жирондистамъ, вноситъ въ Національное Собраніе предложеніе замѣнить королевское veto прямымъ народнымъ голосованіемъ, Марать сначала и слышать не хочетъ объ этомъ. Подобно Робеспьеру, который въ камерѣ боролся съ предложеніемъ Петіона, Марать носится съ проектомъ революціоннаго Комитета, долженствующаго, избѣгая кризиса, защитить націю отъ интригъ двора и, стоящихъ съ нимъ въ связи, фракцій Національнаго Собранія. «Франція не должна стать жертвой анархіи раздраженныхъ и слѣпыхъ массъ, или-же анархіи многочисленныхъ собраній». Въ этомъ же духѣ высказался и Робеспьеръ въ засѣданіи 11 сентября 1789 г.: «Я предоставляю воображенію добрыхъ гражданъ нарисовать себѣ всѣ тѣ проволочки, всю ту нерѣшительность и тревожность, которыя должны явиться неминуемымъ результатомъ различій въ воззрѣніяхъ разныхъ частей этой великой монархіи, а также ту возможность, которою монархъ воспользовался бы въ этихъ разногласіяхъ и происшедшей отсюда анархіи, чтобы водворить на развалинахъ законодательной власти свою сильную позицію». Петіонъ, съ своей стороны, ссыался на то обстоятельство, что въ Англіи или Америкѣ очень мало найдется рабочихъ, которые не были бы освѣдомлены о ходѣ дѣлъ въ парламентѣ и не имѣли бы собственнаго мнѣнія о нихъ. «Гдѣ только ни появляются малѣйшіе признаки свободы, тамъ вы видите, что всѣ, даже наиболѣе отупѣвшіе подъ игомъ деспотизма, люди усердно занимаются изученіемъ своихъ правъ. Все, что касается правительства страны, все, что можетъ имѣть вліяніе на ихъ судьбу, дѣлается предметомъ ихъ ежедневныхъ бесѣдъ. Они читаютъ политическія газеты, они жаждутъ узнать, что творится...

Зачѣмъ оставлять во мракѣ невѣжества тѣхъ, которые имѣли несчастье оказаться погруженными въ него? Зачѣмъ дальше пользоваться ихъ состояніемъ, чтобы скрывать отъ нихъ ихъ права?... Призывъ народа къ власти есть одно изъ самыхъ дѣйственныхъ средствъ ускорить дѣло просвѣщенія».

Когда Петіонъ это говорилъ, онъ еще состоялъ членомъ нераздѣленной Народной Партіи. Между тѣмъ, въ этихъра зногласіяхъ уже намѣчается та глубокая трещина, которая въ послѣдствіи должна была отдѣлить его и другихъ жирондистовъ отъ партіи Робеспьера. Если принять вовни маніе измѣнившееся положеніе вещей, то мы встрѣчаемъ здѣсь же различіе, которое во время англійской революціи имѣло мѣсто между Кромвелемъ— съ одной стороны и левелистами и монархистами— съ другой, и которому суждено было позже повториться въ борьбѣ бланкистовъ съ соціалдемократами школы Луи Блана. Было бы празднымъ занятіемъ наклеивать ярлыки вродѣ: «авторитаризмъ и либерализмъ, революціонерство и доктринерство», такъ какъ, благодаря каждый разъ различно складывавшимся условіямъ, тотъ или другой эпитетъ часто можетъ оказаться совершенно неподходящимъ. Что для одного времени является доктринерскимъ, можетъ быть при другихъ условіяхъ весьма своевременнымъ. Въ первомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ стремленіемъ обезпечить желанный переворотъ отъ всякихъ случайностей, хотя бы цѣной крайняго насилія, во второмъ—желаніе возвратиться, какъ можно скорѣе, къ нормальному правопорядку, по возможности, избѣгая насилія. Послѣднее, при наличности нѣкоторыхъ условій, можетъ оказаться невыполнимымъ, если не пожелать принести въ жертву дѣло самой революціи; при другихъ же условіяхъ оно можетъ явиться самымъ подходящимъ средствомъ

обезпечить его. Все зависит отъ экономическаго и пр. уровня развитія страны. По отношенію къ Кромвелю, этому великому государственному дѣятелю англійской революціи, который по своимъ социальнымъ воззрѣніямъ, несомнѣнно, примыкалъ къ «*gentry*», демократически-настроенные левеллисты являлись въ политикѣ доктринерами, а ихъ самый выдающійся вождь, безстрашный и краснорѣчивый Джонъ Лильбурнъ—часто непрактичнымъ фанатикомъ формальнаго права. Конфликтъ между Робеспьеромъ и жирондистами — уже болѣе сложнаго свойства. Терроръ удовлетворялъ одно время своему назначенію, онъ не могъ быть подавленъ Робеспьеромъ и *породилъ изъ самого себя реакцію*. Это обстоятельство помѣшало, однако, тѣмъ, которые стояли въ оппозиціи къ Робеспьеру за его диктатуру, попытаться, послѣ его паденія, возстановить утраченную позицію демократическаго радикализма, пользуясь тѣми же средствами. Къ нимъ принадлежалъ также и вождь «заговора равныхъ» Гракхъ Бабёфъ. «Я сознаю и упрекаю себя въ томъ,—писалъ Бабёфъ 28 февраля 1796 г. своему другу Бодсону—что слишкомъ мрачно смотрѣлъ какъ на революціонное (террористическое) правительство, такъ и на Робеспьера, С-Жюста и др. Я думаю, что ихъ диктаторская власть была дьявольски удачной мыслью».

Заговоръ «равныхъ» есть слѣдствие обращенія Бабёфа къ террору, который въ остальномъ не соответствовалъ гуманнымъ склонностямъ Бабёфа. Вообще социализмъ или коммунизмъ, какъ доктрина, по природѣ своей мало склоненъ пользоваться силой. Это противорѣчитъ заключающейся въ немъ гуманитарной этикѣ. Всѣмъ коммунистамъ свойственна въ болшей мѣрѣ тенденція къ объективности, къ соблюденію требованій права, щадящаго, по возможности,

личность и ополчающагося только противъ порядковъ и учреждений. Такъ, мы видимъ, что въ началѣ революціи Бабефъ, который уже тогда проповѣдывалъ коммунистическія идеи и былъ проникнутъ глубокой ненавистью къ аристократическимъ учрежденіямъ, скорѣе оплакивалъ, чѣмъ привѣтствовалъ казнь Фулона и Бертьера толпой. Въ письмѣ къ своей женѣ отъ 25 іюля 1789 года онъ пишетъ! «...О, какъ было больно отъ этой радости!.. Я испытывалъ удовлетвореніе и былъ вмѣстѣ съ тѣмъ очень недоволенъ. Я понимаю, что народъ самъ творитъ судъ; я одобряю это судопроизводство, если оно удовлетворяется обезвреживаніемъ виновныхъ, но развѣ необходимо, чтобы оно было такимъ жестокимъ?..»

Здѣсь мы сталкиваемся съ тѣмъ чувствомъ, которое, такъ сказать, органически связано съ социализмомъ; мы видимъ, въ самомъ дѣлѣ, что всѣ писатели и политики, исповѣдывавшіе социалистическія ученія, такъ или иначе боролись съ терроромъ, въ то время, какъ между настоящими «мужами ужаса» мы не находимъ ни одного социалиста, за исключеніемъ С.Жюста. Только контръ-революція термидора создаетъ другое настроеніе. Возмущеніе, вызванное лишеніемъ народа его правъ и растратой національныхъ богатствъ, заставило социалистовъ противопоставить заговору имущихъ заговоръ неимущихъ и встрѣтить терроромъ снизу терроръ сверху. Возмущеніе находитъ себѣ полное выраженіе въ возстаніи «равныхъ» 8 мая 1796 г. Съ другой стороны, позже плебисциты Наполеона съ ихъ подавляющимъ большинствомъ въ пользу консулата и императорской власти являются подтвержденіемъ всѣхъ опасеній радикальныхъ революціонеровъ относительно прямого народнаго голосованія. Конституція Наполеонскаго парламента и ужасный избирательный цензъ

камеры реставрированнаго королевства не позволяли даже появиться мысли о плодотворной работѣ въ законодательныхъ учрежденіяхъ. Соціалистамъ оставалось выбирать между конспиративной дѣятельностью, направленной на насильственное сверженіе даннаго порядка, и мирной пропагандой, игнорирующей, по возможности, всякіе партійные раздоры и эксперименты. Первое теченіе повело черезъ карбонаризмъ къ бланкизму, который, въ первой фазѣ своего развитія, назывался, на основаніи своего происхожденія отъ Бабефа, бабевизмомъ,—ко второй тенденціи прибѣгаютъ почти всѣ ученики С. Симона и Фурье. Тамъ и здѣсь дѣлаются попытки догматически обосновать отказъ навсегда отъ парламентской дѣятельности вмѣсто того, чтобы объяснить его необходимость для того времени соціальной незрѣлостью и аристократическимъ характеромъ избирательной системы. Но въ обоихъ случаяхъ остается, такъ сказать, подпочвенное теченіе, которое относится съ большой симпатіей къ движенію въ пользу отмѣны избирательнаго ценза и при удобномъ случаѣ оказываетъ ему посильную поддержку. Оно крѣпнетъ по мѣрѣ того, какъ, подъ эгидой буржуазнаго короля, разрастается возмущеніе парламентскимъ растлѣніемъ.

II.

Между тѣмъ, въ Англіи, далеко ушедшей впередъ въ смыслѣ экономическаго развитія, образовались—съ одной стороны—движеніе чартистовъ, а съ другой—теченіе оуенскихъ соціалистовъ и соціалистовъ—«профессіоналистовъ». Прямой цѣлью перваго движенія являлось достиженіе всеобщаго, равнаго и прямого избирательнаго права. Въ остальныхъ своихъ зада-

чахъ оно было социалистическимъ, хотя и не имѣло специально социалистической программы; а нѣкоторые изъ его вождей временно воодушевлялись разнаго рода мелко-буржуазными реформами вродѣ созданія мелко-крестьянскихъ единицъ. Эти отклоненія отчасти объясняются происхожденіемъ данныхъ вождей (самый вліятельный, О'Конноръ былъ ирландскимъ адвокатомъ), главнымъ же образомъ тѣмъ обстоятельствомъ, что капитализмъ въ Англіи уже успѣлъ пустить слишкомъ глубокіе корни, такъ что мечты коммунистовъ устроить въ одно прекрасное утро общественный переверотъ казались всякому способному разбираться въ общественныхъ явленіяхъ безнадежной иллюзіей; между тѣмъ, избирательныя ограниченія въ коммуны и парламентъ лишали социалистовъ какой бы то ни было возможности систематически проводить политическія реформы въ защиту спеціальныхъ классовыхъ интересовъ рабочихъ. Наибольшія несогласія вызывалъ среди чартистовъ вопросъ о томъ, пытаться ли каждый разъ снова путемъ *физической силы* завоевать избирательное право или же ограничиться мирной пропагандой; послѣднее рѣшеніе вопроса уже по существу заключало бы въ себѣ допущеніе идти при случаѣ рядомъ съ буржуазно-радикальными элементами. На эти споры о тактикѣ, которые велись обѣими сторонами съ большей односторонностью, чѣмъ это имъ было свойственно, чартисты потратили большую часть своей энергіи.

Но не это было главной причиной ихъ окончательнаго пораженія, а скорѣе только сопровождающимъ явленіемъ. Гораздо болѣе роковымъ оказалось для чартистовъ то обстоятельство, что послѣ реформы 1832 г. избирательное право въ Англіи было гораздо

шире избирательной системы французской камеры ¹⁾, и что англійскій парламентаризмъ успѣлъ пустить гораздо болѣе глубокіе корни въ національной жизни Англій, пользовался большимъ вліяніемъ, былъ эластичнѣе организованъ, а потому обладалъ и большей способностью сопротивленія всѣмъ внѣшнимъ толчкамъ, чѣмъ французская камеральная система. Въ этомъ отношеніи оправдались предсказанія храбраго поборника чартизма «Poor Mans guardian»'а, который послѣ опубликованія новеллы избирательной реформы министерства Грѣя—въ 1831 году, получившей въ 1832 г. силу закона, писалъ слѣдующее: «Мы надѣемся и ждемъ, что онъ (проектъ реформы) не пройдетъ... эта реформа значительно затормозитъ успѣшное достиженіе дѣйствительныхъ реформъ. Средніе классы будутъ надолго оторваны отъ широкихъ массъ, а это, должно признать, является большой потерей. До тѣхъ поръ, пока они объединенно выступаютъ въ дѣлѣ, касающемся обоихъ, они имѣютъ возможность придать своимъ жалобамъ характеръ публичности, чего народъ самъ сдѣлать не въ состояніи» (номеръ отъ 12 марта 1831 г.). Проведеніе билля о реформахъ сдѣлало то, что прошло не меньше 34 лѣтъ прежде, чѣмъ избирательное право было нѣсколько расширено, и рабочіе получили возможность имѣть собственное представительство, которое, къ слову сказать, вначалѣ было сильно урѣзаннымъ. До тѣхъ поръ невозможно было возникновеніе серьезныхъ разногласій по вопросу объ участіи въ парламентской работѣ, такъ какъ не

---

¹⁾ Во Франціи послѣ іюльской революціи число избирателей увеличилось съ 140,000 всего до 200,000, въ Англій же послѣ реформы 1832 года съ 400,000 до 656,000, а въ дальнѣйшемъ до 1,300,000 (наканунѣ избирательной реформы 1867 года).

было налицо первой реальной предпосылки: открытых дверей. Совершенно иначе обстояло дѣло съ вопросомъ о томъ, стоитъ-ли, вообще, бороться за открытіе дверей, и каковъ долженъ быть образъ дѣйствій тѣхъ рабочихъ, которые уже пользуются избирательнымъ правомъ. Робертъ Оуэнъ и большинство его приверженцевъ стояли на точкѣ зрѣнія прямо враждебной политической дѣятельности. Хотя Оуэнъ самъ выставилъ въ 1819 г. свою кандидатуру въ парламентъ, а на закатѣ своей жизни (1851 г.) носился съ мыслью во второй разъ выступить кандидатомъ, однако, какъ вождь, онъ очень рѣзко выступалъ противъ участія социалистовъ въ политической борьбѣ. Въ ней онъ видѣлъ только отклоненіе отъ великой задачи умственного и нравственного воспитанія и экономической организациі рабочихъ. Для рабочихъ—поучалъ онъ, а за нимъ и его ученики—совершенно безразлично, въ чьихъ рукахъ находится власть; необходимо не политическое, а моральное и экономическое возрожденіе общества. Если оно наступитъ, то само повлечетъ за собой и политическій переворотъ; безъ него послѣдній—только миражъ. Это воззрѣніе господствовало въ фрейнахъ, созданныхъ спеціально для пропагандированія оуэнскихъ доктринъ въ потребительныхъ и производительныхъ обществахъ, вызванныхъ къ жизни приверженцами Оуэна, а послѣ неудачи великой революціонной стачки 1834 года, которая одно время заставила самого Оуэна повѣрить въ непосредственную близость предстоящаго социальнаго переворота, овладѣла и большей частью англійскихъ профессиональныхъ союзовъ. Чтобы понять это, нужно себѣ представить, какъ низокъ былъ тогда образовательный и нравственный уровень англійской рабочей массы.

Въ Англіи не было обязательнаго обученія, не было и школьныхъ законовъ; только послѣ избирательной реформы 1867 г. англійская буржуазія рѣшила стать на путь соотвѣтственныхъ мѣропріятій въ этой области, выставивъ лозунгъ: «now we must educate our masters» (Мы должны себѣ воспитать учителей). До тѣхъ же поръ народное обученіе было дѣломъ добровольныхъ организацій и частнаго предпринимательства, и наряду съ немногимъ хорошимъ создавалось много уродливаго, поскольку народъ оставался всеѣмъ безъ всякаго образованія. Плачевныя жилищныя условія въ быстро развивавшихся промышленныхъ центрахъ, въ свою очередь, способствовали прямому *пониженію* умственнаго уровня широкихъ народныхъ массъ. Можно было съ полнымъ правомъ говорить *объ обнищаніи во всеѣхъ отношеніяхъ*.

Съ другой стороны, англійскій рабочій пользовался полной свободой союзовъ, собраній, слова и, если не считать налога на газеты, то и свободой печати; свобода коалицій существовала въ такой мѣрѣ, въ какой она была нужна рабочему при тогдашнемъ состояніи его организаціи. Такимъ образомъ, отсутствовало давленіе, которое, вызывая высокое напряженіе духовной энергіи, часто можетъ замѣнить величайшіе недостатки воспитанія.

Если принять все это во вниманіе и представить себѣ какими дикими, пьяными оргіями сопровождалась часто въ то время избирательная кампанія, то станетъ во всякомъ случаѣ понятнымъ, почему наиболѣе развитые рабочіе такъ индифферентно относились къ вопросу о распространеніи на ихъ классъ избирательнаго права, а подчасъ и прямо высказывались противъ него. Это имѣло мѣсто въ шестидесятыхъ годахъ довольно часто и въ Германіи, и будетъ на из-

вѣстномъ культурномъ уровнѣ повторяются и въ другихъ странахъ, хотя мы за это время научились тому, что недоставало англичанамъ: умѣнью правильно цѣнить великую воспитательную силу всеобщаго избирательнаго права.

III.

Выше мы говорили о томъ, что парламентъ пустилъ глубокіе корни въ національной жизни Англiи. Это требуетъ поясненія. Несомнѣнно, вѣрно, что парламентъ пользовался не малой популярностью среди англійскаго народа, несмотря на то, что въ него, въ силу упомянутыхъ избирательныхъ ограниченій, могли попадать главнымъ образомъ представители имущихъ классовъ. Правда, въ радикальныхъ кругахъ охотно цитировали двустишіе Байрона:

«Strange all this difference should be
twint Tweedledum and Tweedelee»

по адресу обѣихъ большихъ партій, боровшихся въ парламентѣ за власть, которая по своему плутократическому составу были почти тождественны другъ съ другомъ. Но эти партіи не были классовыми партіями въ узкомъ смыслѣ; въ нихъ могли найти себѣ мѣсто и представители новыхъ идей. До сихъ поръ секретъ силы англійскаго парламента составляли два обстоятельства: во-первыхъ, то, что парламентъ дѣйствительно опредѣлялъ характеръ правительства и, во-вторыхъ, что сегодняшняя оппозиція завтра могла стать, и фактически становилась, правительствомъ. Конечно, всегда находились депутаты и даже цѣлая группа, отстаивавшія косную бездѣятельность. Но механизмъ англійской парламентской жизни не благопріятствовалъ развитію „третьихъ“ партій или,

пользуясь излюбленнымъ въ Англіи образнымъ эпитетомъ, «политическихъ измаилитовъ». Онъ изъ заставляеѣтъ на продолжительное или на короткое время подчиниться или вступить въ ряды одной изъ двухъ большихъ партій. Безусловное отстаиваніе своей позиціи истолковывается, не какъ признакъ свободолюбія, а какъ упрямство или неискренность. Благодаря тому, что каждая изъ большихъ партій сознаеѣтъ, что она въ любое время можетъ очутиться у кормила правленія, ея партійный и классовый духъ модифицируется въ стремленіе къ національной универсальности. Если партіи при этомъ и не могутъ выйти за предѣлы, установленные для нихъ соціальнымъ составомъ своихъ избирателей и членовъ, то эта тенденція все таки накладываетъ на нихъ печать способности постоянно эволюціонировать и дѣлаеѣтъ ихъ доступными новымъ теченіямъ, поскольку послѣднія не являются лишь порожденіями интересовъ дня. У виговъ эта черта уже давно превратилась въ традицію, у ториѣвъ же, какъ имъ особенно усердно внушалъ Дизраэли, она сдѣлалась, со времени избирательной реформы 1832 г., безусловной необходимостью. Виги съ нѣкоторой частью радикаловъ эволюціонировали и стали либеральной партіею, девизомъ которой является *реформа*, сообразующаяся съ новыми потребностями общественнаго организма; въ противоположность къ нимъ, тори все еще остаются партіею, отстаивающей традиціонныя учрежденія, въ которыя они, однако, стремятся вложить болѣе *широкое содержаніе*. Въ то время, какъ виги совершенно подчиняютъ свои реформы потребностямъ только что достигшей полного политическаго значенія буржуазіи, т. е. не идутъ въ своихъ преобразованіяхъ дальше капиталистически понятаго манчестерскаго ученія, тори, наоборотъ, вы-

сказываютъ готовность идти навстрѣчу опредѣленнымъ экономическимъ требованіямъ рабочихъ, напр., стремленію къ государственной охранѣ труда. Если одни своей лѣвой фракціей, агитировавшей за отміну всѣхъ налоговъ на жизненные припасы, поддерживали отношенія съ одной частью рабочей массы, то другіе, черезъ своихъ «Young England», дѣлаютъ то же самое по отношенію къ другой. Такимъ образомъ, несмотря на стѣны, воздвигнутыя цензомъ, въ парламентѣ находятъ откликъ и болѣе радикальныя теченія времени. Не успѣютъ нѣкоторые вопросы найти временное разрѣшеніе, какъ здѣсь и тамъ уже поднимаются вопросы о новыхъ назрѣвшихъ реформахъ. Такъ какъ при этомъ еще изрядно шумятъ, а парламентская дѣятельность вообще даетъ отличную возможность дѣлать изъ мухи слона, то тѣмъ скорѣе удастся отвлечь вниманіе широкихъ массъ отъ партійныхъ группъ, дѣйствующихъ внѣ парламента. Какъ медленно ни работаетъ парламентскій механизмъ, онъ все же работаетъ, и герой парламентской трибуны является одновременно и героемъ массовыхъ митинговъ въ провинціи.

IV.

Настроеніе умовъ въ тогдашней Франціи хорошо отразилось въ рѣчи Армана Барбеса, произнесенной имъ 2-го апрѣля 1849 г. передъ судомъ присяжныхъ въ Буржѣ. Мы приведемъ здѣсь слѣдующее мѣсто изъ этой рѣчи: «Что же однако представляетъ собою, такъ называемый, суверенитетъ народа?—Это просто на-просто—средство для достиженія нѣкоторой цѣли, которая одна и является истиннымъ сувереномъ. Всѣ общественныя мѣропріятія должны быть направлены къ этой цѣли; они становятся преступными, если отъ

нея уклоняются. Теперь, если бы великодушный французскій народъ, ставящій себѣ цѣлью — не завоеваніе міра, подобно capitoлійскому городу древности, а — кто станетъ противъ этого спорить? — осуществленіе истиннаго и полнаго равенства, натолкнулся на внѣшнюю силу, вынуждающую его остаться при прежнемъ неравенствѣ, — то не было ли бы съ его стороны актомъ повинovenія истинному суверену, если бы онъ заставилъ бунтующую силу вернуться къ своей обязанности или даже уничтожилъ ее? Этотъ долгъ выполнило населеніе Парижа 31 мая 1793 г., выгнавъ изъ камеры жожаковъ Жиронды. И этотъ долгъ не задумался бы выполнить и я... Да, я бы поднялъ оружіе противъ собранія, которое, не взирая на авторитетность своего происхожденія отъ всеобщихъ выборовъ, позволило вовлечь себя въ грязь двухсотъ-франковой палаты Луи Филиппа. Съ этой точки зрѣнія, долженъ сознаться, что собраніе теперешнихъ нашихъ 900 представителей внушаетъ мнѣ не больше почтенія, чѣмъ собраніе, управлявшее республикой съ 24 февраля до 4 мая».

Въ этихъ словахъ сказался «Баярдъ» революціи. Такой же взглядъ отстаивалъ въ то время въ Германіи *Карлъ Марксъ*, хотя, конечно, въ другихъ выраженіяхъ, чѣмъ Барбесъ. Когда въ сентябрѣ 1848 г. члены берлинскихъ радикальныхъ клубовъ осаждали Національное собраніе, желая выразить въ рѣзкой формѣ свое недовольство депутатами правыхъ и среднихъ партій, причемъ даже радикальныя берлинскія газеты пытались умалить вліяніе этой революціонной демонстраціи на рѣшенія законодательной камеры, — Марксъ, въ отвѣтъ на это, съ удовольствіемъ указывалъ въ Новой Рейнской Газетѣ, что депутаты дѣйствительно утрашились угрожающаго поведенія народныхъ массъ.

«Право демократическихъ народныхъ массъ оказывать своимъ присутвіемъ нравственное давленіе на поведеніе учредительныхъ собраній», такъ писалъ онъ 16 сентября, «является стариннымъ революціоннымъ правомъ народа, безъ котораго дѣло не обходится ни въ одной революціи, начиная съ англійской и французской. Этому праву исторія обязана почти всѣми энергичными дѣйствіями подобныхъ собраній». 9 февраля 1849 года въ своей защитительной рѣчи передъ кельнскимъ судомъ присяжныхъ Марксъ сказалъ между прочимъ слѣдующее: «Національное собраніе само по себѣ лишено всякихъ правъ; народъ поручилъ ему провозгласить принадлежащія ему одному права. Если оно не выполняетъ возложеннаго на него порученія, то послѣднее становится недѣйствительнымъ. Тогда самъ народъ непосредственно выступаетъ на арену и дѣйствуетъ, какъ хочетъ, пользуясь свсимъ могуществомъ. Если бы, напримѣръ, Національное собраніе продалось измѣнническому правительству, то народу пришлось бы разогнать обоихъ,—правительство и собраніе».

Въ Англій того времени такія рѣчи были бы немислимы. Мысль насильственно разогнать парламентъ показалась бы чудовищной даже самому крайнему чартисту. Извѣстно, какая судьба постигла планъ, заключавшійся всего только въ томъ, чтобы путемъ массовой демонстраціи, заставить парламентъ принять петицію о введеніи избирательнаго права. Онъ вызвалъ до того сильное броженіе въ буржуазныхъ и мелко-буржуазныхъ массахъ столичнаго населенія, что, въ концѣ концовъ, свелся къ чему-то въ родѣ челобитни. Правда до сихъ поръ что-то не слышно было, чтобы парламентъ приказалъ тогда палить въ рабочихъ, явившихся къ зданію

Westminster Palais, или чтобы онъ напустилъ на нихъ солдатъ со штыками.

Къ слову сказать, провозглашенное Марксомъ право народныхъ массъ оказывать «нравственное» давленіе на поведеніе парламентовъ во время англійской революціи было примѣнено какъ-разъ у вожаковъ умѣренныхъ и, притомъ, противъ радикаловъ. Это было во время бурнаго парламентскаго засѣданія 26 го іюля 1647 года. Хотя за этимъ послѣдовало очищеніе парламента арміею Кромвеля, однако революціонная военная диктатура начала уже постепенно принимать все болѣе и болѣе контръ-революціонный характеръ. Кончилось тѣмъ, что Монкъ возстановленіемъ монархіи послѣ смерти Кромвеля довель контръ-революцію до ея крайнихъ предѣловъ. Точно такъ обстояло дѣло и во время французской революціи. Начиналось обыкновенно съ «моральнаго воздѣйствія» революціонныхъ массъ, затѣмъ слѣдовало то же со стороны друзей порядка,—а кончалось очищеніемъ камеръ при помощи войска. Послѣ одного изъ этихъ очищеній, 18 фруктидора V года (4 сентября 1797 года), Наполеонъ Бонапартъ совершенно разогналъ совѣщательную камеру; это было 18 Брюмера VIII г. (9 ноября 1799 г.).

Такимъ образомъ, хотя революціонныя массы столицы,—а онѣ-то и являются тѣмъ народомъ, которому здѣсь вручается контроль надъ депутатами,—безъ сомнѣнія и могутъ въ критическій моментъ положить конецъ парламентскимъ интригамъ и нейтрализовать парализующее вліяніе нерѣшительности или измѣны, однако очень многое зависитъ все таки отъ обстоятельствъ: иногда лѣкарство можетъ причинить еще больше зла, чѣмъ самая болѣзнь. Справедливость требуетъ замѣтить, что Марксъ настаиваетъ на правѣ

воздѣйствія на «учредительныя собранія» для одной только демократической народной массы и, притомъ, лишь въ «бурныя времена». Правда, въ той же статьѣ Марксъ потомъ обзываетъ «пустѣйшей въ мірѣ фразой» выдвинутое противъ системы демонстрацій требованіе «свободы дебатовъ», и ссылаясь при этомъ на то, что свобода дебатовъ страдаетъ также отъ свободы печати, слова, собраній, отъ наличности вооруженной силы, престола, судовъ и пр.; тѣмъ не менѣ, въ его словахъ несомнѣнно содержится признаніе того, что примѣненіе этого права на дѣлѣ рѣшается каждый разъ въ зависимости отъ извѣстныхъ обстоятельствъ. Барбесъ же дѣлаетъ изъ допускаемаго въ исключительныхъ случаяхъ права какую-то догму, категорическій императивъ для всѣхъ временъ и положеній. Этимъ онъ вполне оправдалъ данную ему кличку «Баярда». Въ противоположность Бланки, котораго онъ ненавидѣлъ, какъ измѣнника, и ужъ во всякомъ случаѣ въ гораздо большей мѣрѣ, чѣмъ Бланки, Барбесъ духовно принадлежалъ къ прошлому. Онъ считалъ себя революціонеромъ, а на дѣлѣ былъ революціоннымъ романтикомъ.

V.

Не легко было социалистамъ 1848 г. разрѣшить проблему, вытекавшую изъ противопоставленія революціи парламентаризму. Почти всѣ они потерпѣли въ этомъ пунктѣ крушеніе. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, предшествовавшихъ февральской революціи, социалистическая пропаганда достигла необыкновеннаго расцвѣта. Казалось, что весь міръ населенъ одними социалистами. Въ особенности во Франціи и ея столицѣ, Парижѣ, самый воздухъ, казалось, былъ зараженъ социализмомъ. Всякій мечталъ о предстоящемъ социаль-

номъ перерожденіи. «Мы были глубоко убѣждены, что присутствуемъ при послѣднихъ дняхъ старой цивилизаціи, и что міръ равенства стучится въ двери»—съ волненіемъ говорилъ Бакунинъ, спустя лѣтъ 30, въ бесѣдѣ съ Бенуа Мало, намекая при этомъ на міръ парижскихъ литераторовъ, ученыхъ, художниковъ и т. д. «Лишь весьма немногіе не поддались влиянію соціально революціонной атмосферы Парижа. Обыкновенно бывало достаточно двухъ мѣсяцевъ бульвара, чтобы соціалистъ сталъ революціонеромъ». Въ концѣ 48 г. Марксъ и Энгельсъ также заявляли въ коммунистическомъ манифестѣ, что «Германія находится наканунѣ буржуазной революціи», которая при данномъ уровнѣ развитія пролетаріата и при *устьяхахъ*, достигнутыхъ европейской цивилизаціей, можетъ быть «только непосредственнымъ прологомъ къ пролетарской революціи». Точно такъ думали и говорили тогда и другіе соціалисты.

Но вотъ въ февралѣ и мартѣ надъ Европой пронесся революціонный ураганъ. Шатались и рушились троны; казалось, что весь старый порядокъ былъ подхваченъ могущественнымъ вихремъ, который грозилъ покончить съ нимъ въ одинъ мигъ. Когда улеглась первая буря, она оставила послѣ себя повсемѣстно—парламенты. Подавляющее большинство въ нихъ составляли защитники стараго буржуазнаго порядка всѣхъ отгѣнковъ, и это—независимо отъ характера избирательнаго права. Слѣдовало ли ихъ признать правильнымъ выраженіемъ духа эпохи и подчиниться ихъ рѣшеніямъ, какъ выраженію этого духа? Или можетъ быть это были лишь призраки прошлаго, давно отошедшаго на покой, продуктъ выборной спѣшки, не давшей народу времени опомниться? А если послѣднее предположеніе вѣрно, то не преступ-

леніемъ ли было дать возможность такимъ парламентамъ безпрепятственно распоряжаться жизненными интересами народовъ? Мало того, не было ли и, вообще, безуміемъ довѣрить судьбы націй тупой и равнодушной толпѣ, игнорируя дѣятельнѣйшихъ и способнѣйшихъ представителей ея? Ясно, что подобнаго рода вопросы должны были предлагать себѣ всѣ социалисты и прогрессивные реформаторы того времени. Отвѣтъ на эти вопросы могъ быть данъ различный. Прежде всего казалось, что, затягивая или неумышленно возобновляя революцію, можно будетъ довести броженіе умовъ до такой степени, что оно неминуемо охватитъ и самыя отсталыя провинціи, такъ что силы, противодействующія революціи, будутъ становиться все слабѣе и слабѣе. Чтобы обезпечить за собою именно такой исходъ дѣла, слѣдовало, съ другой стороны, путемъ цѣлаго ряда хорошо сѣорганизованныхъ, непрерывно волнующихъ умы демонстрацій, толкать революціонныя правительства на путь все болѣе и болѣе радикальныхъ мѣропріятій, пока, наконецъ, не наступитъ подходящій моментъ для захвата революціей правительственнаго аппарата.

Какъ уже было упомянуто выше, къ такому пониманію дѣла во Франціи склонялись, главнымъ образомъ, революціонеры-коммунисты, которые вели свою традицію отъ Бабефа. Въ нѣсколько иной формѣ оно было свойственно также и представителямъ Коммунистическаго союза въ Германіи—Марксу и его сторонникамъ. Въ предисловіи къ статьямъ Маркса, изданнымъ подъ заглавіемъ: «Die Klassenkämpfe in Frankreich 1848—1850» (Berlin, Verlag Vorwärts). Фридрихъ Энгельсъ слѣдующимъ образомъ характеризуетъ историческія предпосылки, изъ которыхъ исходили главы этого союза.

«Всѣ прежнія революціи были революціями незначительнаго меньшинства, по сравненію съ подчиненной народной массой. Экономическое развитіе дѣлало это меньшинство способнымъ къ господству и призывало къ нему. Даже тамъ, гдѣ большинство принимало участіе въ революціи, оно сознательно или бессознательно отстаивало интересы этого меньшинства. Послѣ перваго успѣха въ побѣдившей партіи обыкновенно происходилъ расколъ: болѣе радикальная часть желала идти дальше, что ей въ отдѣльныхъ случаяхъ и удавалось, но, въ концѣ концовъ, умѣренная партія снова брала верхъ, такъ что минутный успѣхъ первой обыкновенно лишь закрѣплялъ плоды первоначальной побѣды». Затѣмъ Энгельсъ продолжаетъ: «эти черты встрѣчаются во всѣхъ революціяхъ новаго времени, начиная съ великой англійской революціи семнадцатаго столѣтія,—и онѣ казались неразрывными со всякой революціонной борьбой. Казалось, что онѣ примѣнимы также и къ освободительной борьбѣ пролетаріата. Тѣмъ болѣе, что въ 1848 г. можно было по пальцамъ пересчитать людей, которые хоть сколько нибудь понимали, въ какой формѣ можетъ произойти освобожденіе пролетаріата. Далѣе въ Парижѣ, даже послѣ побѣды, рабочая масса не имѣла передъ собой никакого опредѣленнаго плана дѣйствій. И, однако, движеніе существовало, инстинктивное, самопроизвольное, неподдаваемое. Именно это положеніе заставляло вѣрить въ неизбежный успѣхъ революціи, которая, хотя и произойдетъ подъ руководствомъ меньшинства, но на этотъ разъ въ самомъ дѣйствительномъ интересѣ большинства. Если во всѣхъ болѣе или менѣе продолжительныхъ революціонныхъ періодахъ широкія народныя массы такъ легко поддавались на одни только заманчивыя обѣщанія передо-

вого меньшинства, то отчего же имъ оказаться менѣ доступными для идей, которыя являлись точнѣйшимъ отраженіемъ ихъ экономическаго положенія, которыя были ничѣмъ инымъ, какъ яснымъ, сознательнымъ выраженіемъ ихъ собственныхъ, еще не сознанныхъ, а только лишь неясно ощущаемыхъ потребностей? Правда, это революціонное настроеніе массъ почти всегда—и въ большинствѣ случаевъ очень скоро—смѣнялось утомленіемъ или даже реакціоннымъ настроеніемъ, какъ только исчезали иллюзіи, и наступало разочарованіе. Но вѣдь здѣсь дѣло шло не объ обѣщаніяхъ, а объ удовлетвореніи самыхъ кровныхъ интересовъ огромнаго большинства. Правда, этому большинству далеко еще было до яснаго сознанія своихъ собственныхъ интересовъ, но ихъ практическое удовлетвореніе, наглядная дѣйствительность, должны были очень скоро открыть ему глаза. Когда же выросшая изъ «соціальной революціи» 1848 года буржуазная республика въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи—какъ показано въ третьей статьѣ Маркса—дошла до того, что весною 1850 года вся дѣйствительная власть сосредоточилась въ рукахъ крупной буржуазіи, желавшей къ тому же возстановленія монархіи; когда, съ другой стороны, всѣ остальные общественные классы, крестьянство и мелкая буржуазія, сгруппировались вокругъ пролетаріата, такъ что послѣ общей побѣды рѣшающимъ факторомъ должны были стать не они, а умудренный опытомъ пролетаріатъ,—то можно ли было тогда еще сомнѣваться, что революція меньшинства превратится въ революцію большинства? Такова предпосылка, опредѣлявшая въ то время поведеніе революціонныхъ коммунистовъ Франціи и Германіи.— Она оказалась ложной, продолжаетъ Энгельсъ. Экономическій переворотъ, совершившійся со времени

1848 года, можетъ служить доказательствомъ, что состояніе экономическаго развитія на континентѣ къ тому времени далеко еще не созрѣло для устраненія капиталистическаго способа производства». Это, безъ всякаго сомнѣнія такъ, и нужно удивляться, что Марксъ и Энгельсъ этого не замѣчали сами; тѣмъ болѣе, что именно они неоднократно и весьма рѣзко подчеркивали тогдашнюю отсталость континентальныхъ странъ въ экономическомъ отношеніи. Тѣмъ не менѣе, почти всѣ ихъ статьи, относящіяся къ тому времени, неизмѣнно заканчивались припѣвомъ о непосредственной близости новой революціи, которая, въ результатѣ ряда внутреннихъ столкновеній доставитъ побѣду пролетариату.

«Революціонное возстаніе французскаго рабочаго класса и міровая война—такова программа будущаго 49-го года... Уже грозитъ изъ Парижа красная республика», такъ говорится въ прощальной номерѣ Новой Рейнской газеты за 19 мая 49-го года. Въ принадлежащей Марксу рѣчи центральнаго комитета Союза Коммунистовъ за мартъ 1850-го года сказано въ заключеніе слѣдующее: «нѣмецкіе рабочіе могутъ добиться власти и осуществленія всѣхъ своихъ классовыхъ задачъ, лишь пройдя долгій путь революціоннаго развитія; за то на этотъ разъ у нихъ имѣется гарантія, что первый актъ предстоящей революціонной драмы будетъ разыгрываться въ моментъ *тщательной* побѣды изъ собственнаго класса во Франціи, а это сильно сократитъ ходъ дѣла. Боевымъ кличемъ для нихъ должны служить слова: революція безъ конца!» Второе воззваніе того же комитета за сентябрь 1850 года, также составленное Марксомъ, резюмируется въ слѣдующихъ словахъ: «Центральный Комитетъ призываетъ всѣхъ членовъ союза къ самой энергичной дѣятель-

ности именно въ этотъ моментъ, когда отношенія такъ обострились, что новый революціонный взрывъ не заставитъ себя долго ждать».

Оставаясь вѣрнымъ такому взгляду на дѣло, Марксъ радостно привѣтствовалъ всякое международное осложненіе, обѣщавшее закончиться войной. Уже на страницахъ «Борьбы классовъ» онъ считаетъ гибельнымъ для революціоннаго дѣла во Франціи—отсутствіе внѣшнихъ осложнений. «У республики», пишетъ онъ, «не было національнаго врага; она была, такимъ образомъ, лишена крупныхъ внѣшнихъ осложнений, которыя могли бы зажечь ея энергію, ускорить внутренній революціонный процессъ и двинуть впередъ или же выбросить за бортъ временное правительство... Ни изнутри, ни извнѣ республика не встрѣчала никакого противодѣйствія. *Это ее обезоружило*» (Стр. 30). А въ письмахъ по восточному вопросу, печатавшихся въ «Нью-іоркской трибунѣ» онъ находитъ лишь слова презрѣнія для мирныхъ стремленій англійскихъ либераловъ того времени. Съ чувствомъ удовлетворенія говоритъ онъ объ имѣвшемъ мѣсто 7-го іюля 1853 года въ Галифаксѣ большомъ собраніи, на которомъ стоявшій къ нему очень близко вожакъ чартистовъ, *Эрнестъ Джонсъ* провелъ резолюцію противъ либераловъ, призывавшую народъ къ войнѣ; резолюція заявляетъ, что, покуда не завоевана свобода, *миръ является преступленіемъ*. Двумя годами позже, 10 апрѣля 1855 года, онъ пишетъ, что возгорѣвшаяся къ тому времени Севастопольская война «должна вызвать и несомнѣнно вызоветъ такія событія, которыя дадутъ возможность пролетаріату снова отвоевать позиціи, потерянные имъ во Франціи во время Іюньской бойни 1848 года, отвоевать не только для Франціи, но и для всей средней Европы, включая Англию. Каждая новая

революційная буря во Франціи должна рано или поздно доставить французскому пролетаріату власть; въ Англіи также дѣло быстро идетъ къ такой развязкѣ».

Изъ всего этого видно, какъ сильно тогда еще вліяли на образъ мыслей Маркса традиціи 1792—1794 г. Съ какимъ презрѣніемъ онъ, на примѣръ, говоритъ въ своихъ письмахъ о парламентскихъ событіяхъ! И это былъ тотъ самый Марксъ, который писалъ въ началѣ 1850 года въ «Борьбѣ классовъ», что требованія парижскаго пролетаріата, поскольку они шли дальше буржуазной республики, терялись въ туманныхъ проектахъ *Люксембургскаго дворца*; что французскій рабочій классъ «не усвоилъ еще той точки зрѣнія, которая дала бы ему возможность открыть въ своемъ собственномъ положеніи все содержаніе и весь матеріалъ своей революційной дѣятельности», что «онъ былъ еще не способенъ продѣлать свою собственную революцію», что «борьба промышленнаго рабочаго противъ промышленной буржуазіи» во Франціи была лишь «частичнымъ фактомъ», не способнымъ «послѣ февральскихъ дней сохранить за революціей ея національное значеніе» (Стр. 27—28). Спустя нѣсколько мѣсяцевъ, онъ говоритъ въ тѣхъ же статьяхъ, что пререканія континентальныхъ партій порядка не только не могутъ послужить поводомъ для новыхъ революцій, а, наоборотъ, потому только и возможны,—что «создавшееся положеніе дѣлъ покоится въ настоящей моментъ на столь прочной и, чего не подозреваетъ реакція, столь *буржуазной* основѣ, что отъ нея одинаково отпрянуть, какъ тормозящія буржуазное развитіе попытки реакціонеровъ, такъ и моральное негодованіе демократовъ съ ихъ воодушевленными прокламаціями» (Стр. 103).

Исторія показала, что ожидавшійся Марксомъ про-

мысленный кризисъ съ революціоннымъ финаломъ не на много могъ бы измѣнить, столь мѣтко имъ очерченное положеніе дѣлъ, въ пользу конечной побѣды рабочаго класса.

Прудонъ, съ не меньшей проницательностью, чѣмъ такъ сильно нападавшій на него Марксъ, уже весною 48 года подчеркивалъ буржуазный характеръ той эпохи. «Революція 1848 года», пишетъ онъ 29 апрѣля въ «Représentant du Peuple», какъ и всякая «экономическая революція, является самымъ буржуазнѣйшимъ дѣломъ въ мірѣ. Это—мастерская, контора, домоводство, касса,—все крайне прозаичныя вещи... Организація обращенія и кредита, увеличеніе производства, повышеніе сбыта, созиданіе новыхъ формъ промышленныхъ союзовъ—какъ все это несомѣстимо съ настроеніемъ 1793 г.! Волей неволей, мы должны помириться съ фактомъ, что мы не больше чѣмъ мѣщане».

Но, въ противоположность Марксу, Прудонъ выступилъ противникомъ воинственныхъ плановъ партіи, оказавшись въ этомъ отношеніи, если угодно, рѣшительнымъ «мѣщаниномъ». Онъ возсталъ, напр., противъ попытки социалистовъ-революціонеровъ воспользоваться войной или внѣшними осложненіями, какъ поводомъ вернуть революціи покидавшія ее силы. Онъ выступилъ въ «Représentant du Peuple» противъ демонстраціи 15 мая, устроенной въ честь Польши клубами, и закончившейся тѣмъ, что народъ ворвался въ законодательныя камеры и довелъ этимъ контрреволюціонное настроеніе до своего апогея. «Я не могъ повѣрить», пишетъ онъ въ своей «Исповѣди революціонера», «чтобы Франція, раздѣдаемая несчастнымъ рабочимъ вопросомъ, который и не могъ, и не желалъ, и не смѣлъ быть отложеннымъ въ долгій ящикъ, оказалась тогда въ состояніи уклониться отъ его раз-

рѣшенія и объявить войну другимъ странамъ. Кромѣ того, я полагалъ, что экономическій путь, если мы только съумѣемъ имъ воспользоваться, можетъ оказать не менѣе сильное вліяніе на другія страны, чѣмъ всѣ арміи Конвента и Имперіи. Вооруженное же вмѣшательство, связанное съ социализмомъ, подняло бы противъ насъ всѣхъ буржуа и крестьянъ Европы. Страна способна проявить наружу лишь столько силъ, сколько она черпаетъ извнутри. Если внутри жизнь начинается изсякать, то тщетны будутъ попытки къ внѣшнему вліянію... Послѣ февральской революціи все свелось къ внутренней политикѣ... Правительство не имѣло ни денегъ, ни лошадей, ни солдатъ... На торговлю было жалко смотрѣть; рабочій сидѣлъ безъ работы; въ нашемъ распоряженіи не было 45 милліоновъ національнаго имущества, какъ у нашихъ отцовъ въ 1789 и 1793 годахъ—а мы говорили о войнѣ»!

Въ задачи этой работы не входитъ изслѣдованіе вопроса о томъ, кто правильнѣе оцѣнивалъ вѣроятныя послѣдствія войны для революціи 48 года во Франціи,—Марксъ или Прудонъ. Мы можемъ ограничиться простымъ сопоставленіемъ ихъ посылокъ. Однако, какъ ни отнестись къ точкѣ зрѣнія Прудона, нельзя отрицать за ней извѣстной внутренней послѣдовательности. Прудонъ самымъ энергичнымъ образомъ распрощался съ наслѣдствомъ 1793 года. Какъ же онъ относился къ парламентаризму?

Прудона, «отца современнаго анархизма», часто считаютъ самымъ рѣшительнымъ врагомъ всеобщаго избирательнаго права и парламентаризма, какъ социалистическихъ способовъ борьбы. Между тѣмъ, достаточно бросить бѣглый взглядъ на его труды, чтобы убѣдиться, что онъ былъ лишь условнымъ противникомъ политической борьбы. Правда, послѣ апрѣль-

скихъ выборовъ 48 года, онъ писалъ очень рѣзко о «мистификаціи путемъ права всеобщаго голосованія» и жестоко бичевалъ послѣ июньской бойни «изолированіе» депутатовъ парламентаризмомъ, причемъ весьма не двусмысленно пенялъ на самого себя за то, что, будучи охваченъ «парламентскою одурью», не выполнилъ, при началѣ столкновенія, своего долга народнаго представителя. Но ему принадлежитъ также и слѣдующее заявленіе: «гарантируйте мнѣ ненарушимость права всеобщаго голосованія,—и я напередъ признаю всѣ его результаты». Относительно всеобщаго избирательнаго права онъ замѣчаетъ въ своихъ «Признаніяхъ», что его «хотя еще и незамѣтное, но неизбѣжное дѣйствіе поведетъ къ полному преобразованію нашего публичнаго права, и что оно не соединимо съ подчиненіемъ труда капиталу». А въ книгѣ, которую можно назвать его политическимъ завѣщаніемъ, въ «*Capacité politique des classes ouvrières*», онъ пишетъ: «Изъ принципа, вѣрнаго по отношенію къ демократическому обществу, согласно которому избирательное право является прирожденнымъ правомъ челоуѣка и гражданина, вытекаютъ слѣдствія, или, если угодно, побочные принципы чрезвычайной важности. Первый изъ этихъ принциповъ таковъ: едва гдѣ либо бываетъ провозглашена и переходитъ въ дѣйствительность политическая свобода въ формѣ всеобщаго избирательнаго права,—какъ національное развитіе получаетъ тенденцію къ экономическому равенству... Это хорошо поняли рабочіе кандидаты. Но это именно то, чего не желаютъ кандидаты буржуазныхъ партій» (н. с. стр. 214).

Совершенно неправиленъ взглядъ, будто Прудонъ былъ абсолютнымъ противникомъ всякаго участія въ выборахъ и въ парламентахъ. Если онъ что

нибудь осуждалъ, такъ это лишь вступленіе въ камеру въ эпоху Имперіи, и то лишь по той причинѣ, что условіемъ такого вступленія являлось принесеніе присяги имперской конституціи. Кромѣ того, онъ былъ рѣшительнымъ противникомъ буржуазнаго централизованнаго государства. Онъ желалъ управленія, организованнаго снизу, и стремился при помощи строго выдержаннаго федерализма помѣшать отсталымъ странамъ задавить страны болѣе прогрессивныя. Государство, по его мнѣнію, слѣдовало подчинить союзу демократическихъ провинцій.

Какъ видно изъ брошюры «Гражданская война во Франціи», цѣли Прудона и Маркса не такъ ужъ были различны,—какъ ни различны были ихъ пути и средства. Не слѣдуетъ далѣе забывать, что Прудонъ всегда писалъ для одной только Франціи, и вдобавокъ для той Франціи, съ которой ему приходилось имѣть дѣло. У него не было широкой исторической перспективы въ родѣ марксовой, но онъ зналъ свою родную страну, какъ никто, а его «мѣщанство» соотвѣтствовало тогдашнему состоянію развитія Франціи.

VI.

Въ то время, какъ плачевные результаты всеобщаго избирательнаго права 1848 года послужили для Прудона поводомъ къ построенію его системы федерализма, они побудили нѣмецкаго соціаль-демократа *М. Риттингаузена* начать пропаганду *прямого народнаго законодательства*. Идея эта зародилась у него подъ вліяніемъ Швейцаріи, гдѣ нѣкоторые небольшіе кантоны сохранили старую форму законодательства мірскимъ сходомъ. Въ послѣдній входили всѣ взрослые жители кантона.

Въ нѣкоторыхъ кантонахъ вѣдѣнію народнаго законодательства подлежали не всѣ вопросы, а одни только конституціонные. Новая Союзная Конституція, которую Швейцарія себѣ дала въ 1848 г., была объявлена лишь послѣ того, какъ въ сентябрѣ того-же года она была принята прямымъ народнымъ голосованіемъ. Риттинггаузенъ и хотѣлъ, чтобы народному голосованію была совершенно вручена законодательная дѣятельность, даже въ самыхъ большихъ государствахъ, и чтобы представительная система была совершенно устранена. Первая изъ работъ, въ которыхъ онъ развиваетъ свою теорію, носитъ названіе «Философіи исторіи». Однако, историческій опытъ показываетъ никакъ не въ пользу его теоріи. Правда, прямое народное законодательство наблюдается у всѣхъ почти народностей, на первыхъ стадіяхъ ихъ государственнаго существованія. Но, въ виду большого множества и чрезвычайной сложности законодательныхъ работъ, народы всегда поручаютъ ихъ выполненіе извѣстнымъ лицамъ или избраннымъ корпораціямъ, изъ которыхъ съ теченіемъ времени и развиваются парламенты. Бываетъ и такъ, что законодательство становится привилегіей господствующаго меньшинства, образующагося, обыкновенно, изъ завоевателей данной страны; тогда оно можетъ, пожалуй, долгое время самостоятельно разрѣшать законодательные вопросы, путемъ прямого голосованія своихъ членовъ. Но и ему, наконецъ, дѣло становится не подъ силу. Доказательства этому имѣются не только въ прошломъ. Подобное же явленіе наблюдается и теперь на ходѣ развитія рабочихъ профессиональныхъ союзовъ, этого продукта свободного творчества современной демократіи. Союзы эти почти всегда начинаютъ съ широкаго примѣненія принципа непосредственнаго законодательства и упра-

вленія. Но по мѣрѣ того, какъ растеть число ихъ членовъ и усложняются задачи, они постепенно переходятъ къ представительнымъ учрежденіямъ и къ бюрократической системѣ.

Для того, чтобы осуществить прямое народное законодательство, какъ предлагалъ Риттинггаузенъ, пришлось бы довести до минимума размѣры государствъ и общинъ, или же разбить ихъ на мельчайшія единицы—вещь совершенно не соединимая съ условіями современнаго производства и передвиженія. Чѣмъ-то совершенно другимъ является прямое народное голосованіе, служащее лишь дополненіемъ къ законодательной камерѣ, или имѣющее своимъ назначеніемъ контролированія послѣдней на основаніи права законодательнаго почина и veto. Право это сводится къ тому, что всѣ законопроекты, относительно которыхъ будетъ подано письменное требованіе со стороны опредѣленнаго minimum'a гражданъ, равно какъ нѣкоторыя, болѣе важныя, рѣшенія законодательнаго учрежденія должны быть поставлены на голосованіе всего народа, безъ чего они не могутъ получить силу закона. Такой порядокъ, извѣстный также подъ именемъ инициативы и референдума, кажется съ перваго взгляда легко выполнимымъ. Какъ извѣстно, онъ существуетъ въ настоящее время въ Швейцаріи, гдѣ находитъ себѣ болѣе или менѣе широкое примѣненіе какъ въ союзѣ, такъ и въ отдѣльныхъ кантонахъ. О полезности его существуютъ различныя мнѣнія. Оно безспорно имѣетъ значеніе, какъ средство политическаго воспитанія гражданъ. Но это—средство, весьма медленно дѣйствующее, и оно можетъ на долгое время задержать развитіе странъ, не отличающихся еще прочными демократическими традиціями. Даже въ самыхъ передовыхъ кантонахъ Швейцаріи

сторонники прогресса боятся подчасъ капризовъ этого института при голосованіи важныхъ вопросовъ. Законопроекты, получившіе единодушную поддержку всѣхъ политическихъ партій, нерѣдко отклонялись народомъ лишь потому, что осуществленіе ихъ повлекло бы за собою нѣкоторое увеличеніе налоговъ, или же потому, что они нарушали внѣдрившіяся привычки широкихъ массъ. Еще въ большей мѣрѣ такія явленія наблюдаются тамъ, гдѣ большинство голосующихъ принадлежитъ къ классу мелкой буржуазіи. Представительная система правленія, при всѣхъ ея отрицательныхъ сторонахъ, имѣетъ, по крайней мѣрѣ, хоть то одно преимущество, что партіи обыкновенно выбираютъ депутатами людей, стоящихъ въ духовномъ отношеніи выше средняго уровня ихъ членовъ. Кроме того, участіе въ представительномъ учрежденіи расширяетъ духовный горизонтъ большинства депутатовъ. Можно поэтому сказать съ полнымъ правомъ, что, за исключеніемъ народовъ, стоящихъ очень высоко въ социальномъ и политическомъ отношеніяхъ, непосредственное народное голосованіе является факторомъ *консервативнымъ*. И, если социаль-демократія стоитъ повсюду за предоставленіе народу права законодательнаго почина и veto, то она дѣлаетъ это главнымъ образомъ во имя демократическаго принципа—права cadaго на самоопредѣленіе, а вовсе не ради специфически-партійныхъ цѣлей. По тѣмъ же соображеніямъ, но, конечно, изъ мотивовъ противоположнаго свойства, монархическія, Божьей милостью, правительства, всегда останутся рѣшительными противниками этого института. Лишь такое убудочное порожденіе револуціи и монархіи, какъ бонапартизмъ, могло включить въ свою идейную программу какую-то карриатуру на непосредственное народное голосованіе въ видѣ инсти-

тута плебисцита. Какъ этотъ институтъ проявилъ себя на дѣлѣ — хорошо извѣстно каждому.

Когда послѣ 1850 г. Риттинггаузенъ сталъ проповѣдывать во Франціи идею прямого народнаго законодательства, онъ нашелъ себѣ внимательныхъ слушателей среди демократовъ, разочарованныхъ всѣмъ, происходившимъ тогда въ палатѣ. Лишь Луи Бланъ и Прудонъ, обыкновенно столь враждебные другъ другу, на этотъ разъ выступили противъ него одинаково рѣзко ¹⁾. Ихъ аргументовъ можно здѣсь не касаться. Риттинггаузенъ отвѣтилъ своимъ критикамъ въ концѣ 1851 года на столбцахъ «*Democratie Pacifique*» фурьериста Консидерана. Черезъ пару дней, послѣ появленія его отвѣта, послѣдовалъ государственный переворотъ Луи Бонапарта; въ скорости «*Democratie Pacifique*» должна была прекратить свое существованіе, а 21 декабря 1851 года, при прямомъ народномъ голосованіи, 7.439.216 французскихъ гражданъ, противъ 646.737 заднимъ числомъ санкціонировали совершившійся государственный переворотъ. Спустя 11 мѣсяцевъ, 21 ноября 1852 г., прямое народное голосованіе, предпринятое по вопросу о возстановленіи наслѣдственной имперіи Бонапартовъ, дало 7.824.189 голосовъ—за, 253,145—противъ. Это нанесло смертельный ударъ увлеченію французскихъ демократовъ идеей прямого народнаго законодательства. Лишь въ одной Швейцаріи, гдѣ существовали совершенно другіе порядки, пропаганда прямого народнаго законодательства велась позднѣе съ довольно большимъ успѣхомъ швейцарскимъ социалистомъ Карломъ Бюркли, однимъ изъ учениковъ Консидерана.

---

¹⁾ Политическая брошюра Луи Блана носила названіе „Plus de girondins“. Ср. то, что было сказано выше о Петіонѣ.

VII.

Какъ же обстояло въ то время дѣло со всеобщимъ избирательнымъ правомъ?

Въ Англіи движеніе, созданное въ его пользу, потерпѣло крушеніе; въ Германіи оно было вырвано съ корнемъ реакціей. Иначе обстояло дѣло во Франціи. Совершивъ государственный переворотъ, Луи Наполеонъ вернулъ массамъ избирательное право, отнятое у нихъ палатой депутатовъ, благодаря закону о трехгодичномъ квартирномъ цензѣ; самую палату онъ разогналъ. И массы, какъ благодарныя дѣти, выбирали такъ, какъ это было угодно Бонапарту. Первые выборы по новому избирательному закону дали исключительно бонапартистскихъ депутатовъ. Точно также и вторые выборы въ 1857 году принесли съ собою въ законодательный корпусъ, за исключеніемъ небольшой горсточки изъ шести человѣкъ, исключительно императорскихъ кандидатовъ. Изъ шести съ чѣмъ то миллионовъ поданныхъ голосовъ—пять съ половиной миллионовъ принадлежали правительственнымъ кандидатамъ.

Послѣ этого всеобщее избирательное право было окончательно дискредитировано въ глазахъ большинства социалистовъ и многихъ буржуазныхъ радикаловъ. Были оставлены всякія надежды на его политическое вліяніе; недовѣріе къ массѣ, какъ избирателю, сильно возросло. Большинство социалистовъ возлагало всѣ свои надежды на новый взрывъ революціи, которую представляли себѣ совершенно въ духѣ традиціоннаго яacobинства, т. е. направляемой террористическимъ революціоннымъ центромъ. Захватить государственную власть и направить весь ея сложный аппаратъ на достиженіе цѣлей революціи,—вотъ что становится отнынѣ завѣтной цѣлью всякаго социалиста. Эта теорія

хорошо привилась во Франціи, гдѣ, по имени Бланки, стала называться бланкизмомъ.

Однимъ изъ самыхъ первыхъ литературныхъ выразителей этой теоріи, во время второй имперіи, былъ *Ипполитъ Кастиль*, который въ своемъ предисловіи къ «Исторіи второй республики», появившейся въ 1854 году, посвящаетъ цѣлый панегирикъ времени господства террора. «Совершенно то общество», пишетъ онъ, «въ которомъ тираннія является дѣломъ всѣхъ.» Свободу индивида онъ отвергаетъ, какъ свободу «сатанинскую», а вмѣстѣ съ нею и парламентаризмъ. «Къ этой эпохѣ (именно, ко времени господства террора, когда у жирондистовъ, гебертистовъ, дантонистовъ поочередно летѣли головы съ плечъ) въ сущности относится реставрація авторитетнаго принципа, этой надежнѣйшей крѣпости всякаго человѣческаго обществитія. Избавившись отъ умѣренныхъ и крайнихъ, застраховавъ себя противъ всякихъ внутреннихъ конфликтовъ, комитетъ общественнаго спасенія пріобрѣтаетъ . . . необходимыя ему для охраны Франціи отъ опасности грозящей ей анархіи силу и единство». Не то погубило тогдашнюю Францію, что ею слишкомъ усердно управляли; виною этому являлись «парламентеры, эти измѣнники Термидора». Величіе же Робеспьера заключается именно въ томъ, что «онъ понималъ значеніе авторитарнаго начала и обладалъ выдающимся политическимъ инстинктомъ».

Въ томъ же духѣ, какъ и Кастиль, писалъ 30-ью годами позже бланкистъ А. Реньяръ. «Существовали во время Имперіи двѣ оппозиціонныя партіи», писалъ онъ—«одна доктринерски—либеральная... другая—радикально-утопическая и, какъ мы тогда выражались,—материалистическая. Члены этой послѣдней, вѣрные традиціямъ французской революціи, полагали цѣль

демократіи не въ томъ, чтобы ослабить правительственную власть, а въ томъ, чтобы *завладѣть* ею... Свобода—это Тиберій Гракхъ на форумѣ и Спартакъ въ Капуѣ. Она—десятое августа, 24-е февраля, 4-ое сентября. Она—самодержавіе идеи, слова, печати. Такова истинная, такова политическая свобода... Ее вы должны дать намъ, ее, которую сами вы называете «авторитарной», ибо революція всегда есть насильственный переворотъ. Республика требуетъ, чтобы ею управляла желѣзная рука. Если бы народъ позволилъ себѣ выбрать монархической парламентъ, то въ арміи найдутся тѣ Гошъ и Огеро, которые, подъ руководствомъ офицеровъ—республиканцевъ, сдумаютъ помѣряться силами съ врагами всеобщаго избирательнаго права».

Такой бланкистскій взглядъ на дѣло въ нѣсколько видоизмѣненной формѣ раздѣляли также Марксъ и Энгельсъ. Они долгое время видѣли въ якобинствѣ осуществленіе идеи революціоннаго творчества, исходящаго отъ централизованной диктаторской власти, опирающейся на прогрессивные элементы въ пролетариатѣ. Противоположное движеніе наблюдается во Франціи въ эпоху 2-й имперіи среди рабочей молодежи, находившейся подъ сильнымъ вліяніемъ Прудона; параллельное этому движеніе имѣло мѣсто также и въ Германіи въ 1862—63 годахъ. Оно протекало подъ руководствомъ и продолжительнымъ вліяніемъ Лассалья.

Несмотря на различія въ воззрѣніяхъ, прудонисты явились для Франціи тѣмъ, чѣмъ Лассаль былъ для Германіи, и подобно тому, какъ Толень, Фрибургъ и др., должны были выносить нападки бланкистовъ за сознательную или безсознательную принадлежность къ бонапартизму, такъ и вожаки лассальянскаго движенія въ Германіи осуждались послѣдователями Маркса,

какъ агенты Бисмарка. Въ этомъ отношеніи интересно перечитать рѣчи одного изъ близкихъ друзей Маркса, *Вильгельма Либкнехта*; рѣчи эти относятся къ 60-мъ и дальнѣйшимъ годамъ и направлены противъ лассальянцевъ. Въ нихъ мы наталкиваемся на то же пренебрежительное отношеніе ко всеобщему избирательному праву, на то же принципиальное осужденіе парламентаризма, на ту же идею революціоннаго захвата государственной власти,—что и въ выше цитированныхъ статьяхъ. «Революціи не дѣлаются съ высочайшаго разрѣшенія властей, говоритъ онъ въ одной изъ этихъ рѣчей;—идея социализма неосуществима въ рамкахъ современнаго государства; она должна его разрушить для того, чтобы стать дѣйствительностью. Никакого примиренія съ современнымъ государствомъ и—*долой культъ всеобщаю и равнаю избирательнаю права!*». «По отношенію къ господствующимъ классамъ социализмъ не является больше вопросомъ теории, а просто на просто вопросомъ силы; онъ долженъ быть разрѣшенъ не въ парламентѣ, а на полѣ битвы, какъ и всякая другая борьба за власть». Такъ говорилъ Либкнехтъ 31-го мая 1869 года въ своей рѣчи, «Объ отношеніи социаль-демократіи къ политикѣ», опубликованной также въ видѣ отдѣльной брошюры. Въ томъ же духѣ онъ высказывался годомъ позже на конгрессѣ социаль-демократической рабочей партіи въ Штуттгартѣ. «Только съ паденіемъ современнаго государства станетъ возможенъ новый способъ производства. Мы должны поэтому овладѣть старымъ государствомъ и создать на его развалинахъ новое».

Впослѣдствіи Либкнехтъ измѣнилъ свою тактику по отношенію къ парламентаризму, объясняя это тѣмъ, что до 1871 года ему приходилось имѣть дѣло съ

Сѣверо-германскимъ Союзомъ, непрочность котораго была де ясна всякому разумному человѣку; по отношенію же къ упрочившейся и болѣе независимой Германской Имперіи стала необходима, конечно, другая тактика. Но это вѣрно только на половину. Въ томъ крылѣ нѣмецкой соціаль-демократіи, однимъ изъ вожаковъ котораго былъ Либкнехтъ, замѣтно обнаружилась политическая тенденція, существенно расходившаяся съ его собственной. Либкнехтъ скорѣе подчинился этой тенденціи, чѣмъ воспринялъ ее. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что между упомянутой тенденціей и его собственной существовало не только фактическое, но и чисто принципальное различіе. Человѣкъ, явившійся первымъ выразителемъ этой новой тенденціи на практикѣ, былъ младшій соратникъ, отчасти и ученикъ Либкнехта, *Августъ Бебель*.

Подобно Толеню, Бебель выросъ въ политической атмосферѣ, наступившей послѣ 48 года. Традиціи прошлаго и революціонная борьба 48 года уже не жили такъ ярко въ его памяти. Онъ смотрѣлъ на вещи глазами подрастающаго рабочаго поколѣнія. Хотя и противникъ фракціи лассальянцевъ по вопросу объ участіи въ законодательствѣ, онъ уже въ Сѣверо-германскомъ союзномъ парламентѣ занялъ такую позицію, которая была гораздо ближе къ лассалевой, чѣмъ къ позиціи Либкнехта.

VIII.

Указанная нами переменна позиціи по отношенію къ парламентаризму не нашла себѣ тогда своего теоретика, да и по сей день собственно не существуетъ въ этомъ отношеніи такой теоріи, которая признавалась бы всей соціаль-демократической партіей. Пере-

мѣна эта является, по преимуществу, плодомъ практики; она не была продуктомъ творческаго ума, никто ее не проповѣдывалъ: она просто совершилась. Въ извѣстномъ смыслѣ она можетъ быть связана съ именемъ человѣка, долгое время бывшимъ благороднѣйшимъ вдохновителемъ германскаго рабочаго движенія послѣднихъ лѣтъ; человѣкъ этотъ—*Фердинандъ Лассаль*.

Лассалья уже потому слѣдуетъ считать вдохновителемъ этого движенія, что онъ явился энергичнымъ защитникомъ новаго, болѣе благосклоннаго отношенія ко всеобщему избирательному праву. Если бы ему было суждено прожить дольше, то онъ по всей вѣроятности сталъ бы теоретикомъ и проповѣдникомъ новаго пониманія парламентской дѣятельности вообще. Идею такого пониманія можно вычитать между строкъ въ его политическихъ статьяxъ за 1862—64 годы. Они посвящены нѣмецкому рабочему классу. Лассаль относится къ Марксу, какъ Бебель къ Либкнехту. Это обнаружилось уже весной 1859 года, послѣ того какъ Лассаль опубликовалъ брошюру объ итальянской войнѣ. Какъ извѣстно, изъ-за этой брошюры между Лассалемъ и Марксомъ возгорѣлся споръ, который имъ не удалось вполнѣ уладить и впоследствии.

Въ этой брошюрѣ Лассаль становится по отношенію къ бонапартизму на совершенно иную точку зрѣнія, чѣмъ большинство социалистовъ и буржуазныхъ демократовъ той эпохи. Въ то время, какъ эти послѣдніе усматривали въ бонапартистской системѣ одно лишь растлѣніе и считали ее поддѣлкой подъ демократизмъ, Лассаль видѣлъ еще и другую сторону дѣла, именно, что демократическій лоскутъ, въ который нарядился Бонапартъ, *навсегда скомпromетировалъ монархизмъ*. Онъ видѣлъ здѣсь діалектическое противорѣчіе,

которое будетъ имѣть своимъ результатомъ не гибель демократіи, а наоборотъ,—гибель реакціоннаго элемента въ бонапартизмѣ. «Правительственная система, теоретическія основы которой демократичны, а средства реакціонны и деспотичны», разсуждалъ Лассаль въ упомянутой выше брошюрѣ,—«можетъ просуществовать лишь очень короткое время. Она можетъ быть столь же ярымъ, но далеко не столь опаснымъ врагомъ демократическаго развитія, какъ система правленія, носящая законченно-реакціонный характеръ. Она въ себѣ самой содержитъ постоянное противорѣчіе и причину непрерывныхъ треній. Сколько бы не старался Луи Наполеонъ конфисковать всѣ революціонныя брошюры, доставляемыя во Францію изъ Лондона и Джерси, все-таки останутся не конфискованными его собственныя манифесты, въ которыхъ разоблачается лживость его системы управленія» (Собр. соч. Лассаля томъ 1, стр. 316—317).

Въ другомъ мѣстѣ (стр. 332), Лассаль изслѣдуетъ результатъ парижскихъ выборовъ за 1857 годъ. Тамъ, гдѣ другіе видѣли лишь то, что на всеобщихъ выборахъ 1857 года все еще было подано подавляющее большинство голосовъ за наполеоновскихъ кандидатовъ, онъ замѣтилъ и подчеркнул съ особенной силой приростъ оппозиціонныхъ голосовъ по сравненію съ 1851-мъ годомъ. Его методъ пониманія обнаруживаетъ громадное сходство съ анализомъ парижскихъ выборовъ, даннымъ Прудономъ въ его «*Sapacité des classes ouvrières.*» Не подлежитъ сомнѣнію, что, когда, спустя три года, Лассаль въ «Программѣ работниковъ» обратился къ нѣмецкимъ рабочимъ со словами: «Всеобщее избирательное право—если и не волшебный жезлъ, то копье, самоисцѣляющее причиненныя имъ раны»,—онъ косвенно при этомъ опирался

на опытъ 1857 г. Слова его нашли себѣ блестящее подтвержденіе во время выборовъ 1863 г. Слѣдуетъ однако замѣтить, что въ своихъ трудахъ Лассаль не подчеркнул съ достаточной ясностью того обстоятельства, что значеніе всеобщаго избирательнаго права зависитъ отъ степени классовой дифференціаціи общества, какъ количественной, такъ и культурной. Но это скорѣе недостатокъ изложенія, чѣмъ пониманія.

Лассаль охотно пользовался дедуктивнымъ методомъ, но за діалектической формой развитія понятія у него всегда крылось совершенно реалистическое пониманіе исторіи, берущее за исходный пунктъ хозяйственное развитіе, какъ важнѣйшій факторъ общественной жизни. Такимъ мы видимъ его, напримѣръ, въ брошюрѣ «О сущности конституціи».

Подобно всѣмъ другимъ социалистамъ того времени, Лассаль переоцѣнивалъ степень зрѣлости тогдашняго экономическаго развитія съ точки зрѣнія социалистическаго хозяйства. Поэтому онъ, можетъ быть, и дѣйствительно ждалъ отъ творческой силы всеобщаго избирательнаго права больше, чѣмъ слѣдовало при тогдашней степени дифференціаціи классовъ въ Германіи.

Тѣмъ не менѣе, съ практической стороны эта переоцѣнка не являлась недостаткомъ. Ей онъ былъ обязанъ тѣмъ внутреннимъ огнемъ, которымъ онъ съумѣлъ, не взирая на нападки справа и слѣва, воспламенить рабочихъ на борьбу за всеобщее избирательное право и духовно подготовить ихъ къ правильному пользованію этимъ послѣднимъ. Требовалось много силы убѣжденія, чтобы не поколебаться въ виду возраженій, дѣлавшихся такими разнообразными мыслителями, какъ Марксъ, Родбертусъ, Лотарь Бухеръ, выступившими противъ агитаціи Лассаля съ единодушными ссылками на примѣръ Франціи.

Лассаль умеръ раньше, чѣмъ всеобщее избирательное право въ Германіи сдѣлалось фактомъ. Какъ извѣстно, для его осуществленія Лассаль не задумался вступить въ переговоры съ Бисмаркомъ, главнымъ министромъ Пруссіи того времени. Въ какой мѣрѣ эти переговоры и специально рассчитанныя на Бисмарка и короля прусскаго мѣста въ его рѣчахъ и статьяхъ содѣйствовали въ 1866 г. введенію всеобщаго избирательнаго права въ Сѣверо-германскій союзный парламентъ—трудно сказать. Невозможно допустить, что его доводы остались безъ всякаго вліянія. Во всякомъ случаѣ, агитація вызваннаго имъ къ жизни всеобщаго союза нѣмецкихъ рабочихъ вынудила также и буржуазно-либеральныя партіи добиваться этого права для новаго парламента, несмотря на то, что за нѣсколько лѣтъ до этого они сняли съ очереди дня вопросъ о введеніи его въ Пруссіи. Такимъ образомъ, агитаціи Лассаля мы обязаны тѣмъ, что такой важный демократическій «козырь» вошелъ въ конституцію Союза. Оттуда онъ позднѣе былъ перенесенъ въ германскій рейхстагъ.

IX.

Первые выборы въ Сѣверо-германскій союзный парламентъ доставили социаль-демократіи большое разочарованіе. Въ учредительный парламентъ былъ выбранъ одинъ только Бебель, стоявшій тогда во главѣ саксонской народной партіи, хотя онъ уже и былъ на пути къ социализму. Въ союзный парламентъ, кромѣ Бебеля, былъ выбранъ еще и Либкнехтъ; онъ былъ также делегатомъ саксонской народной партіи. Изъ всеобщаго союза нѣмецкихъ рабочихъ сюда проникли, частью благодаря перебаллотировкамъ, И. Б. ф.-Швейцеръ,

Ф. В. Фриче, Фрицъ Менде и Эмиль Ферстерлингъ. Эти послѣдніе являлись представителями ортодоксальной гацфельдовской фракціи. Какъ ни малочисленна была эта группа, въ ней сразу обнаружилась величайшія тактическія разногласія по вопросу объ отношеніи къ парламентаризму. Намъ здѣсь можетъ интересоваться лишь то разногласіе, которое возникло между Либкнехтомъ и Ф. Швейцеромъ, замѣстителемъ Лас-саля по руководству всеобщимъ союзомъ нѣмецкихъ рабочихъ. Либкнехтъ не шель дальше революціоннаго протеста; онъ и слышать ничего не хотѣлъ о какой-либо положительной законодательной работѣ въ парламентѣ и отказывалъ въ своей подписи всякимъ законопроектамъ, клонившимся къ такой дѣятельности или требовавшимъ ея. Такъ, онъ отказался подписать законопроектъ по охранѣ труда, внесенный Швейцеромъ. Что касается Швейцера, то онъ въ своихъ рѣчахъ признавалъ Сѣверо-германскій Союзъ жизнеспособнымъ явленіемъ и, при случаѣ, предлагалъ проекты реформъ, соотвѣтственно демократическимъ требованіямъ рабочихъ, и по охранѣ труда. По отношенію къ несоціалистическимъ партіямъ онъ оффиціально держалъ себя еще болѣе независимо, чѣмъ Либкнехтъ. Что касается его неоффиціальныхъ отношеній къ оруженосцу Бисмарка, т. сов. Вагнеру, то о нихъ можно строить лишь одни предположенія.

Какъ уже было замѣчено въ другомъ мѣстѣ, въ вопросѣ объ отношеніи къ законодательству Бебель постепенно занялъ ту-же позицію, что и ф.-Швейцеръ, его товарищъ Фриче и, позднѣе, Газенклеверъ. Вышеупомянутая рѣчь Либкнехта объ отношеніи соціаль-демократіи къ политикѣ, рекомендующая тактику голаго протеста, формально была направлена противъ ф.-Швейцера, но имѣла въ виду также и

Бебеля. Послѣдній весьма опредѣленно заявилъ объ этомъ на Эрфуртскомъ конгрессѣ социаль-демократической партіи, добавивъ, что резолюція о политической тактикѣ, предложенная имъ и Либкнехтомъ на Штутгартскомъ конгрессѣ и отличавшаяся чисто отрицательнымъ характеромъ, была компромиссомъ между ними обоими, такъ какъ взгляды ихъ на этотъ предметъ далеко не совпадали. Слѣдующее обстоятельство также характеризуетъ отношенія между обѣими фракціями. Когда въ іюлѣ 1870 года Наполеонъ III объявилъ Пруссіи войну, Швейцеръ и его товарищи востигривали за военный заемъ. Бебель-же и Либкнехтъ воздержались отъ голосованія, мотивируя это тѣмъ, что война явилась естественнымъ слѣдствіемъ политики Бисмарка, и что дать на нее средства, значило бы одобрить эту политику. Въ первый германскій рейхстагъ былъ выбранъ только Бебель, но тюремное заключеніе помѣшало ему принять участіе въ работахъ парламента.

Во второй рейхстагъ (1874) попало 9 человекъ представителей тогда еще разьединенной партіи. Поведеніе ихъ въ парламента было приблизительно одинаковымъ. Въ спорныхъ случаяхъ, линія раскола проходила черезъ обѣ партіи «поперекъ.» Такъ, напр., когда Юлій Моттелеръ, товарищъ по фракціи Либкнехта, заявилъ однажды въ рейхстагѣ, что социаль-демократія вовсе не является противницей имперіи, какъ государственной организаціи, а лишь господствующихъ въ имперіи порядковъ, то ему пришлось вынести суровыя нападки со стороны газетъ собственной фракціи.

Осенью того же 1874 года начались переговоры относительно объединенія обѣихъ фракцій, а съ весны 1875 года Германія знаетъ лишь одну единую социаль-демократическую партію.

Хотя, вслѣдствіе колебаній, происходившихъ въ правовомъ положеніи партіи и количествѣ ея представителей въ рейхстагѣ, и невозможно точно опредѣлить тенденцію развитія ея отношенія къ парламентаризму, однако несомнѣнно одно, что нѣмецкая соціаль-демократія, если не считать нѣсколькихъ незначительныхъ перерывовъ, съ теченіемъ времени дѣлала все новые и новые шаги въ сторону парламентаризма. Объ этомъ свидѣтельствуетъ характеръ вносимыхъ ею законопроектвъ и поправокъ къ законопроектамъ, а также все возрастающее участіе въ работахъ парламентскихъ комиссій.

Еще во время сессіи 1874 г. Юлій Моттелеръ, будучи выбранъ въ одну изъ парламентскихъ комиссій, воздержался отъ всякаго участія въ ея работахъ и, несмотря на свое вышеприведенное заявленіе, согласился присутствовать въ ней «лишь въ качествѣ зрителя». Съ тѣхъ поръ соціаль-демократія постепенно стала принимать активное участіе въ совѣщаніи парламентскихъ комиссій, брать на себя секретарскія работы, составленіе докладовъ о работахъ комиссіи и т. п. Мало того, соціаль-демократическая парламентская фракція имѣетъ своихъ представителей даже въ «Senioren-Konvent'ѣ» рейхстага. Послѣдній представляетъ собою коллегію изъ представителей различныхъ фракцій и имѣетъ своимъ назначеніемъ регулированіе порядка текущихъ работъ рейхстага. Она не отказалась бы также отъ мѣста въ президіумѣ рейхстага, если-бы это не было сопряжено съ обязанностью представляться иногда германскому императору, или, если-бы другія фракціи удовольствовались заявленіемъ, что соціаль-демократія готова выполнять всѣ обязанности, предписываемыя организаціоннымъ уставомъ рейхстага.

Такой отказъ отъ придворныхъ и тому подобныхъ

визитовъ не имѣеть уже ничего общаго съ принципіальнымъ непризнаваніемъ имперіи, какъ таковой. Правда, социаль-демократія, по прежнему, продолжаетъ стоять на точкѣ зрѣнія политической непримиримости по отношенію къ правительству. Она отказываетъ ему въ какихъ-бы то ни было денежныхъ средствахъ, но она готова содѣйствовать исправленію законовъ, голосовать за цѣлыя законопроекты, если они являются дѣйствительнымъ шагомъ впередъ; она готова даже при случаѣ возлагать нѣкоторыя функціи на государственныхъ чиновниковъ. Болѣе того, въ настоящее время, она можетъ быть, болѣе, чѣмъ всякая другая партія заинтересована въ *расширеніи* сферы вліянія имперіи, путемъ *перенесенія на нее возможно большаю числа административныхъ и законодательныхъ функцій*. Большаго контраста къ позиціи, занятой въ этомъ отношеніи Либкнехтомъ, нельзя себѣ и представить. Фактически социаль-демократія сдѣлалась «имперской партіей».

Эволюція эта произошла не сразу и, само собою понятно, не безъ внутреннихъ коллизій, подчасъ весьма рѣзкихъ.

Особенно оживленные протесты вызвало участіе въ различныхъ комиссіяхъ рейхстага. Это было во время Sozialistengesetz, т. е. въ то время, когда социаль-демократія была поставлена подъ исключительные законы. Не будетъ ложнымъ наше утвержденіе, что соц.-демократія, такъ побѣдоносно ведшая борьбу съ этимъ закономъ, вышла изъ подъ его гнета парламентски гораздо болѣе развитой, чѣмъ она была до тѣхъ поръ. Недовольство суммировалось тогда въ движеніи, т. н., «молодыхъ»; пользовавшемся лишь короткое время нѣкоторымъ вліяніемъ.

X.

Весь указанный, имѣвшій мѣсто въ Германіи, процессъ нашель себѣ поддержку въ другихъ странахъ. Прежде всего, огромные, все возрастающіе успѣхи нѣмецкой соціалъ-демократіи при выборахъ побудили соціалистовъ тѣхъ странъ, гдѣ уже имѣлось демократическое избирательное право, воспользоваться имъ, какъ можно болѣе энергично; въ тѣхъ же странахъ, гдѣ рабочій классъ былъ лишенъ избирательнаго права, были вызваны къ жизни сильныя движенія въ пользу его завоеванія. Такимъ образомъ, можно во всѣхъ современныхъ государствахъ со сноснымъ избирательнымъ правомъ найти соціалъ-демократическія рабочія партіи, дѣятельность которыхъ находить свое завершеніе въ выборахъ своихъ представителей въ парламентъ и другія представительныя учрежденія, и въ участіи депутатовъ въ работахъ этихъ учреждений.

При огромныхъ различіяхъ между политическими законодательствами различныхъ странъ, между традиціями партійной жизни и группировкой партій, вполне естественно, что тактика соціалъ-демократіи такъ различна въ различныхъ парламентахъ, что она носитъ то болѣе оппортунистическій характеръ, то болѣе непримиримый. Оставляя въ сторонѣ Германію, достаточно сравнить образцово организованную соціалъ-демократическую партію Даніи съ итальянской соціалъ-демократіей и ихъ отношеніе къ парламенту. Въ одной странѣ мы имѣемъ буржуазную лѣвую, опирающуюся, главнымъ образомъ, на демократическіе мелко-крестьянскіе элементы, и эволюцію сравнительно спокойнаго, прогрессивнаго характера, а въ другой — множество подвижныхъ новообразованій и стремленіе къ потрясеніямъ въ парламентѣ и внѣ его. Совершенно немис-

лимо, чтобъ эти обстоятельства, въ свою очередь, не имѣли вліянія на темпераментъ и тактику данныхъ социалистическихъ партій.

Кромѣ того, парламенты имѣютъ свою собственную динамику, вліянію которой подвержены всѣ сколько-нибудь значительныя партіи. Отдѣльная личность, голосъ которой не оказываетъ рѣшающаго вліянія при парламентскихъ голосованіяхъ, абсолютно свободна отъ вліянія этой динамики. Но, если какая-нибудь парламентская группа достаточно сильна, чтобы вліять на положеніе стрѣлки въ вѣсахъ партій, то она не можетъ отказаться отъ отвѣтственности, обусловленной достигнутымъ ею положеніемъ. Она должна, *volens-polens*, опредѣленно высказываться по существу обсуждаемыхъ вопросовъ.

Исключеніе могутъ въ данномъ случаѣ представлять только партіи абсолютнаго протеста, т. е. партіи исключительно уполномоченныя протестовать противъ опредѣленнаго правового строя, такъ, напр., представители насильно присоединенной области. Для представителей же большого общественнаго класса, интересы котораго затрагиваются почти всѣми законодательными и административными мѣропріятіями, абсолютный протестъ на долгое время является—этому всюду учить опытъ—вещью совершенно невыполнимой. Онъ можетъ удовлетворить только наиболѣе пылкіе элементы этого класса, въ то время какъ остатокъ, т. е. вся масса рискуетъ быть увлеченной на буксирѣ другихъ партій. Партіи абсолютнаго протеста осуждены—если представляютъ націоналистическія требованія—на неподвижность или подвержены непрерывному приливу и отливу, ибо онѣ являются, собственно говоря, не представителями опредѣленныхъ *интересовъ* и *требованій*, соотвѣтствующихъ данному положенію

вещей, а, главнымъ образомъ, *настроеній*. Можно съ увѣренностью утверждать, что, еслибы нѣмецкая соц.-демократическая партія застыла на точкѣ зрѣнія протеста, которую отстаивалъ В. Либкнехтъ, она не дала бы міру картины того безпрерывнаго роста, о которомъ свидѣтельствуетъ вся ея исторія. Такъ какъ на сѣверѣ Германіи не было буржуазно-радикальной партіи, понимающей и симпатизирующей стремленіямъ рабочихъ къ реформамъ, то такая партія реформъ, рано или поздно, должна была бы образоваться рядомъ съ соціаль-демократіей.

Это опасеніе навязывалось съ такой очевидностью, что Фридрихъ Энгельсъ въ своемъ предисловіи къ «Классовой борьбѣ» Маркса уже не рассматриваетъ, по-прежнему, парламентскую дѣятельность, только какъ второстепенное средство, нуждающееся въ сильномъ контролѣ, но какъ *регулярную, необходимую, всюду неизбежно напрашивающуюся тактику рабочаго класса*. Онъ не боится заявить, что и «въ романскихъ странахъ сталъ неизбѣжнымъ пересмотръ старой тактики. Даже во Франціи, гдѣ почва въ теченіе больше ста лѣтъ, такъ сказать, взрыта цѣлымъ рядомъ революцій, гдѣ нѣтъ ни одной партіи, которая, такъ или иначе, не проявлялась бы въ революціонныхъ дѣйствіяхъ, и гдѣ обстоятельства гораздо благоприятнѣе для возстанія, чѣмъ въ Германіи—даже тамъ социалисты приходятъ къ убѣжденію, что невозможна большая побѣда безъ предварительнаго завоеванія широкихъ массъ избирателей. Медленная *«пропагандистская работа и парламентская дѣятельность признаны и здѣсь важнѣйшей задачей партіи»* (Н. с. стр. 16). Въ другомъ мѣстѣ этого же сочиненія находимъ слѣдующую замѣчательную фразу: «Благодаря успѣшному пользованію всеобщимъ избирательнымъ правомъ

выступилъ на сцену *совершенно новый приемъ пролетарской борьбы*, который очень быстро привился (Н. с. стр. 13). Затѣмъ слѣдуетъ перечисленіе дальнѣйшихъ формъ участія рабочихъ въ выборахъ (въ отдѣльные ландтаги, коммуны, ремесленные суды и т. д.), которое, между прочимъ, не можетъ претендовать на исчерпывающее значеніе, какъ въ качественномъ, такъ и въ количественномъ отношеніяхъ.

Это для насъ и не такъ важно, важнѣе для насъ *принципіальное* заявленіе, что систематическое пользованіе всеобщимъ избирательнымъ правомъ влечетъ за собой опредѣленный приемъ борьбы, или, лучше сказать, *органически съ нимъ связано*. Въ данномъ случаѣ дѣйствуетъ законъ послѣдовательности, которому всѣ подвержены.

XI.

Какъ далеко должна простираться наша послѣдовательность?—Вотъ великій вопросъ, занимающій теперь соціалистическій міръ и обсуждавшійся съ особенной страстностью на двухъ интернаціональных конгрессахъ—въ Парижѣ 1900 г. и въ Амстердамѣ 1904 г. Вопросъ сводится къ тому, могутъ-ли соціалисты принимать участіе въ правительствѣ, представляющемъ собою комбинацію изъ различныхъ партій, или, точнѣе, могутъ ли соціалисты вступать въ состоящее изъ буржуазныхъ элементовъ правительство? Является ли это необходимымъ выводомъ изъ признанія парламентской дѣятельности соціаль-демократіи? Какъ парижской, такъ и амстердамской конгрессы отвѣтили на это отрицательно; послѣдній рѣзче перваго, такъ что мы можемъ въ дальнѣйшемъ ссылаться на его рѣшеніе, какъ на болѣе позднее и болѣе опредѣлен-

ное. И вотъ характерно, что даже болѣе энергичная амстердамская резолюція высказывается только условно.

Такъ, по вопросу о социалистической тактикѣ пунктъ второй амстердамской резолюціи гласитъ, что «соціаль-демократія не должна *стремиться* къ участию въ правительственной власти въ нѣдрахъ буржуазнаго общества». Это, однако, исчерпываетъ одну и, именно, болѣе легкую сторону вопроса. Всякое участіе въ правительственной власти влечетъ за собой и часть отвѣтственности за всѣ мѣропріятія даннаго правительства; для партіи же, являющейся представительницей широкой, зависимой, эксплуатируемой, неимущей массы, отвѣтственность сопряжена съ такими серьезными послѣдствіями, что соблазнъ добиваться ея, особенно при отсутствіи свободы дѣйствій, является не особенно большимъ. Слѣдовательно, въ сущности данная резолюція заключаетъ въ себѣ трюизмъ, спорить съ которымъ могутъ только чудачки.

Дѣйствительная формула вопроса сводится къ слѣдующему: можетъ-ли социаль-демократія при пунктѣ «участіе въ правительственной власти въ нѣдрахъ буржуазнаго общества» поставить точку и сказать: до сихъ поръ и ни шагу дальше? Можетъ-ли она относительно этого рѣшенія говорить словами желѣзной формулы римскаго папства: *non possumus*? Или, быть можетъ, изъ ея парламентской дѣятельности логически слѣдуетъ, что она должна быть готова, когда въ томъ окажется необходимость, принять на себя всѣ неудобства, сопряженныя съ участіемъ въ смѣшанномъ правительствѣ? Какъ парижскій, такъ и амстердамскій конгрессы тщательно избѣгали дать рѣшительный отвѣтъ на этотъ вопросъ.

Несомнѣнно, что такъ и слѣдовало поступить, такъ какъ абсолютно отрицательный отвѣтъ осудилъ

бы социаль-демократію, въ случаѣ великихъ политическихъ кризисовъ, на необходимость попирать ногами жизненные интересы рабочаго класса и приравнять къ нулю тяжелую работу десятилѣтій.

Вопросъ, конечно, можетъ подниматься либо тамъ, гдѣ дѣйствительно господствуетъ парламентаризмъ, т. е. тамъ, гдѣ рѣшающая правительственная власть, согласно конституціи, принадлежитъ народному правительству, либо же при образованіи революціонныхъ правительствъ. Въ странахъ, гдѣ отсутствуетъ указанное нами первое условіе, гдѣ правительство не утверждается парламентомъ, вступленіе социалистовъ въ парламентъ въ обыкновенное время равносильно переходу въ кадры чиновничества. Они этимъ самымъ перестаютъ быть людьми партіи. Вопросъ, слѣдовательно, предполагаетъ или прогрессивное политическое развитіе страны, или революціонную ситуацію. Кромѣ того, онъ предполагаетъ, что фактически двѣ большія враждебныя группы стоятъ другъ противъ друга: партія или коалиція представителей реакціонныхъ интересовъ и рядъ партій, болѣе или менѣе послѣдовательно отстаивающихъ политическій прогрессъ. Только при такихъ условіяхъ представители буржуазной части прогрессивныхъ элементовъ предложатъ социалистамъ принять участіе въ составленіи правительства. При такомъ положеніи вещей, социалисты могутъ, подобно тому, какъ это уже имѣло мѣсто во Франціи, заявить радикаламъ: «мы остаемся внѣ правительства, но мы будемъ поддерживать васъ противъ реакціонной коалиціи, поскольку вы серьезно намѣрены проводить опредѣленныя реформы, а въ остальномъ будете держаться по отношенію къ рабочему классу предупредительной и внимательной тактики». Это можетъ на нѣкоторое время быть достаточнымъ и даже не лишен-

нѣкоторыхъ преимуществъ. Но фактически социаль-демократія уже и въ этомъ положеніи будетъ носить печать правительственной партіи. Чѣмъ больше обострятся отношенія, тѣмъ рѣзче выдвинется необходимость отказа социаль-демократіи отъ такой своей роли для того, чтобы путемъ непосредственнаго участія въ правительствѣ провести въ жизнь свою большую способность къ энергичнымъ мѣропріятіямъ. Въ исторіи подчасъ оказывается весьма чреватымъ послѣдствіями то обстоятельство, что создаются опредѣленные совершенные факты, призванные сыграть роль бастионовъ и тарановъ въ социальномъ развитіи.

При социальномъ переворотѣ, политическая сила является не единственнымъ факторомъ, но она можетъ могущественно ускорить его и избавить человѣчество—въ данномъ случаѣ, рабочій классъ—отъ большихъ несчастій и отъ изнуряющей борьбы. Если социаль-демократія достигаетъ возможности, путемъ своего вступленія въ смѣшанное правительство провести такія мѣропріятія, то нашъ вопросъ формулируется уже не такъ: «имѣешь-ли ты право то или другое *дѣлатъ*», а такъ: «имѣешь-ли ты право тѣмъ или другимъ *пре-небречь*». Если политика—дѣло не пустого каприза, то нельзя игнорировать чувство *отвѣтственности* за ту власть, которой обладаешь; аналогію съ зарытымъ кладомъ можно распространить и на политическія партіи. Наступаетъ моментъ, когда обстоятельства взываютъ къ намъ: вотъ сила, которую плохой управитель оставляетъ неиспользованной. Категорическое запрещеніе принимать участіе въ правительственныхъ комбинаціяхъ равносильно предписанію ставить удобства партіи во всѣхъ случаяхъ выше тѣхъ интересовъ, ради которыхъ партія существуетъ.

Кромѣ того, оно противорѣчило бы нашему пред-

ставленію объ обществѣ, какъ о развивающемся организмѣ. Амстердамскій конгрессъ былъ близокъ къ тому, чтобы совершить подобную ошибку. Въ первомъ пунктѣ упомянутой резолюціи сказано, что социаль-демократія «не даетъ своего согласія на тѣ статьи бюджета, которыя призваны удержать господствующій классъ у власти». Нельзя было бы ничего возразить противъ этого положенія, еслибъ общество состояло только изъ двухъ классовъ, а эти классы группировались бы въ двѣ, исключительно враждебныя другъ другу партіи. Но нигдѣ мы не замѣчаемъ подобнаго положенія вещей; особенно въ болѣе прогрессивныхъ странахъ общественное развитіе не проявляетъ нигдѣ тенденціи къ подобнымъ рѣзкимъ контрастамъ. Въ большинствѣ парламентовъ социалистамъ принадлежитъ рѣшающій голосъ между буржуазно-реформаторской группой и плутократической феодальной коалиціей съ ея сообщниками—простыми обывателями. Если наступаютъ такія обстоятельства, при которыхъ буржуазные радикалы, въ союзѣ съ социалистами, образуютъ большинство, и создается прогрессивное министерство, то социалисты, упорно отказывая въ средствахъ новому правительству, состоящему изъ не-пролетарскихъ элементовъ, каждый разъ, по парламентскимъ правиламъ, поддерживали бы у кормила правленія феодально-плутократическій составъ министерства, конечно, для того только, чтобы при первомъ удобномъ случаѣ способствовать его паденію. Но кто себѣ ясно представитъ такое положеніе, долженъ будетъ признать, что такая политическая игра, повторившись разъ—два, неминуемо должна потерпѣть крушеніе въ силу заключающагося въ ней абсурда. Можно, не опасаясь упрековъ въ разыгрываніи роли пророка, съ увѣренностью предсказать, что сами изби-

ратели положить конецъ этой игрѣ. Интересы большихъ классовъ нельзя безнаказанно долго попирать ногами, какъ бы тамъ ни были почтенны формулы, во имя которыхъ это совершается.

Парламентаризмъ имѣетъ, повторяю, свои опредѣленные законы. Партія или партійная группа можетъ избѣгнуть ихъ вліянія, оставаясь внѣ парламента, но она не можетъ, вступивъ въ парламентъ и принимая участіе въ его работахъ, надолго стать выше этихъ законовъ. Въ данномъ случаѣ уместны слова Мефистофеля:

Въ первомъ мы свободны,

Рабы мы—во второмъ.

Не слѣдуетъ только трагически относиться къ этому «рабству». Оно ничуть не хуже нашей зависимости отъ опредѣленныхъ законовъ природы. Изъ этого признанія совершенно не вытекаетъ, что мы должны поступиться своей сущностью. Ничто лучше не свидѣтельствуетъ объ этомъ, какъ исторія парламентской дѣятельности социаль-демократіи до сихъ поръ. На всемъ своемъ протяженіи она является исторіей непрерывныхъ прегрѣшеній противъ тактическихъ правилъ, считавшихся раньше аксіомами. Не было ни одного отклоненія отъ заранѣе указаннаго пути, ни одного выступленія изъ рамокъ строгой политической изолированности, отъ которыхъ, въ свое время, не ожидали бы растлѣнія партіи, и которыя не бичевались бы въ пламенныхъ резолюціяхъ. Тѣмъ не менѣе, социаль-демократія, все больше разростаясь, подчасъ разростаясь именно благодаря этимъ прегрѣшеніямъ, стоитъ болѣе сомкнутыми рядами и борется болѣе ясными требованіями, чѣмъ когда бы то ни было до сихъ поръ; никогда еще она—въ этомъ мы убѣждаемся при болѣе близкомъ изслѣдованіи прежнихъ стадій движенія—не была такъ застрахована отъ опас-

ности стать жертвой шарлатановъ и искателей приключеній, какъ теперь, когда она въ Германіи, напр., посылаетъ цѣлую армію своихъ членовъ въ большія и малыя представительныя учрежденія имперіи, отдѣльныхъ государствъ и общинъ для парламентской дѣятельности.

* * *

Въ заключеніе считаемъ все же необходимымъ высказать нѣсколько тезисовъ объ основныхъ историческихъ условіяхъ парламентаризма, о его морфологіи и динамикѣ.

1. Парламентаризмъ слѣдуетъ отличать отъ народнаго собранія, т. е. отъ собранія всѣхъ взрослыхъ мужчинъ или, по крайней мѣрѣ, всѣхъ главъ семейства, періодически и по мѣрѣ надобности созываемаго для обсужденія военныхъ и другихъ предприятий, для судоговоренія или (это уже при дальнѣйшемъ развитіи) также съ *законодательной* цѣлью. Такія собранія мы встрѣчаемъ почти у всѣхъ народовъ на ступени сложившейся родовой общины, а иногда и при переходныхъ стадіяхъ отъ родового союза къ государству. Существеннымъ моментомъ различія между парламентаризмомъ и народнымъ собраніемъ является то обстоятельство, что при парламентаризмѣ правомъ участія въ обсужденіи и рѣшеніяхъ пользуются лишь делегаты или узкій кругъ *honogatiores* или другихъ правительственныхъ лицъ.

2. Ограниченіе числа лицъ, участвующихъ въ обсужденіяхъ общественныхъ вопросовъ, становится неминуемымъ, когда количество народонаселенія перешагнуло извѣстный предѣлъ, и когда, вслѣдствіе болѣе развитой экономической жизни, вопросы, подлежащіе обсужденію, принимаютъ болѣе сложный характеръ.

Существуетъ извѣстный предѣлъ, какъ въ смыслѣ

количественного состава участниковъ, такъ и въ смыслѣ природы обсуждаемыхъ предметовъ, за которыми становится неизбежной несостоятельность народныхъ собраній, какъ законодательныхъ или административныхъ органовъ.

Обнаруживаются неудобства всяческаго рода, которыя иногда ведутъ къ расколу общества или къ тиранніи.

Въ лучшемъ случаѣ оказывается необходимымъ образовать болѣе тѣсныя собранія, состоящія изъ делегатовъ, для рѣшенія всѣхъ тѣхъ дѣлъ, которыя обсуждались до тѣхъ поръ непосредственно народнымъ собраніемъ. Въ этихъ собраніяхъ, съ которыми мы сталкиваемся уже въ средневѣковыхъ государствахъ, а позже и въ городскихъ республикахъ среднихъ вѣковъ, уже заключаются всѣ основные моменты современнаго парламентаризма. Первоначально они большей частью, не базируются на избирательномъ принципѣ, а опираются обыкновенно на авторитетъ, являются совѣтомъ «старѣйшинъ» или «отцовъ», т. е. представителей семей или родовыхъ союзовъ. Только съ болѣе сильнымъ расчлененіемъ населенія, когда наступаетъ разложеніе родовыхъ союзовъ или, когда, наряду съ автохтонными, полноправными племенами начинаютъ пріобрѣтать большее значеніе и пришлые элементы, появляется стремленіе замѣнить, ограничить или дополнить авторитарное собраніе какимъ нибудь избирательнымъ органомъ. Большой частью, второе, т. е. избранное собраніе, рано или поздно, превращается въ настоящій парламентъ.

3. Представительный принципъ уже въ древнемъ мірѣ сталкивается съ, опирающейся на военную силу, враждебной ему монархіей. Гдѣ укрѣпляется монархія, тамъ отмѣняется народное или сословное представительство: оно либо просто уничтожается, либо же

осуждается на призрачное существованіе или умираетъ само собою. Монархъ управляетъ помощью чиновничьей іерархіи. Подобное явленіе мы замѣчаемъ на исходѣ среднихъ вѣковъ на примѣрѣ феодальныхъ сословій. Они всюду уступаютъ мѣсто абсолютнымъ государямъ, королямъ или болѣе мелкимъ князьямъ. Но въ Англии уже въ XIII вѣкѣ дворянство добивается отъ непопулярнаго короля Іоанна «Великой Хартіи» («Magna Charta»), по которой, между прочимъ, цѣлый рядъ налоговъ ставится въ зависимость отъ воли правильно созываемыхъ собраній представителей дворянства и духовенства. Въ томъ же столѣтіи въ эти собранія привлекаются также и представители графствъ и городовъ, и уже въ 1295 году впервые собирается парламентъ, регулярно составлявшійся изъ трехъ сословій—высшаго дворянства, духовенства и помѣстнаго дворянства (*gentry*). Въ первую треть XIV столѣтія представители графствъ и городовъ («*commons*») — заседаютъ отдѣльно отъ дворянства и духовенства («*lords*»);—со середины XV столѣтія значеніе палаты общинъ начинаетъ превышать значеніе палаты лордовъ. Королевская власть, сломившая, при помощи окрѣпшей буржуазіи, могущество истерзаннаго внутренними раздорами дворянства, скоро видитъ въ палатѣ общинъ новаго, болѣе опаснаго врага абсолютистскимъ тенденціямъ; въ XVII вѣкѣ завязывается борьба и, прежде чѣмъ она успѣла закончиться, парламентаризмъ въ состояніи констатировать свою побѣду надъ королевскою властью, а палата общинъ—надъ палатой лордовъ. Въ XIX столѣтіи постепенно происходятъ усиленіе власти и демократизація палаты общинъ. Первоначально, въ древности, парламентъ возникъ изъ потребности ограничить непосредственное самоуправство *народа*, въ по-средневѣковый же періодъ онъ всюду прежде всего

ограничиваетъ *королевскую* власть, власть дворянства, а позже и власть *плутократіи*.

4. Это и есть тотъ двойственный характеръ парламентаризма, которымъ онъ въ настоящее время отличается почти во всѣхъ странахъ.

Все, что развивалось въ Англіи на протяженіи шести вѣковъ, произошло въ другихъ странахъ, послѣ значительно болѣе продолжительнаго періода господства абсолютизма, въ теченіе одного столѣтія или даже нѣсколькихъ десятилѣтій. Парламентаризмъ, съ одной стороны, является эмансипаторомъ, съ другой—поработителемъ и, въ зависимости отъ основаній, на которыхъ онъ зиждется, поработителемъ испорченнымъ и эксплуататорскимъ. Когда Лотарь Бухеръ описывалъ англійскій парламентаризмъ, то даже палата общинъ еще состояла преимущественно изъ землевладѣльцевъ, большей частью, избранныхъ мелкой, средней и крупной буржуазіей; ея политика была направлена скорѣе противъ демократіи, чѣмъ противъ монархіи. Но парламентъ, избранный даже на основаніи демократическаго избирательнаго принципа, все таки является ограниченіемъ демократическаго самоуправленія.

5. Тамъ, гдѣ парламенту противостоитъ сильное центральное правительство, которое назначаетъ министровъ независимо отъ парламента, гдѣ, слѣдовательно, послѣдній имѣетъ рѣшающее вліяніе на правительство только своимъ правомъ veto,—тамъ образованіе партій имѣетъ центробѣжную тенденцію, т. е. оно стремится къ раздѣленію партій и къ образованію всякаго рода спеціальныхъ союзовъ. Въ экономически болѣе развитыхъ странахъ эта тенденція перекрещивается или ослабляется великой классовою борьбой соц.-демократически организованнаго рабочаго класса съ буржуазными партіями.

Въ тѣхъ же странахъ, гдѣ парламентъ назначаетъ правительство, гдѣ центральная власть является либо исполнительницей парламентской воли, либо имѣетъ не абсолютное veto,—замѣчается централистическая тенденція, т. е. образуются большія коалиціонныя партіи, которыя, смѣняя другъ друга, стоятъ у кормила правленія.

Но и здѣсь основная тенденція, перекрещиваясь съ различнаго рода побочными теченіями, такъ можетъ потускнѣть, что долгое время не можетъ быть и рѣчи о парламентской замѣнѣ правительственнаго большинства. Въ такомъ случаѣ обыкновенно противъ большой правительственной партіи или коалиціи, долго задерживающейся у кормила, стоитъ цѣлое множество большихъ и маленькихъ партій. Парламентская правительственная система *невозможна* безъ болѣе или менѣе продолжительной существующей большой партіи или коалиціи.

б. Альтернативой парламентаризма является съ одной стороны личный режимъ (абсолютная монархія, организованная анархія, цезаризмъ) или поддерживаемая насиліемъ власть олигархій. Съ другой стороны альтернативой парламентаризма въ современныхъ государствахъ является не *прямое народное правленіе*, а уничтоженіе центральной власти или ея подчиненіе рѣшеніямъ локальныхъ или профессиональныхъ союзовъ. И то и другое возможно только въ томъ случаѣ, когда нѣтъ ни большой, ни острой классовой борьбы, когда, значитъ, нѣтъ большого конфликта между крупными капиталистическими интересами и интересами большихъ неимущихъ народныхъ классовъ.

Но это *необходимо будетъ имѣть мѣсто* въ современныхъ культурныхъ странахъ, когда онѣ будутъ удовлетворять указанной вышѣ предпосылкѣ. По мѣрѣ

того, какъ ослабляется интенсивность классовых-противорѣчій, на первый планъ выступаютъ локальные и профессиональные интересы (вмѣстѣ или порознь), и такимъ образомъ становится неизбежнымъ превращеніе централизованныхъ государствъ въ демократическіе, т. е. *федеративные органы*. Это развитіе еще усилится благодаря, ослабленію національнаго гнета; а это можно съ увѣренностью предсказать, принимая во вниманіе все болѣе и болѣе развивающееся международное сообщеніе и признаніе самоуправления за культурными народами. Съ дальнѣйшимъ ходомъ этого развитія, политическія партіи теряютъ свой смыслъ, а вмѣстѣ съ ними идетъ на убыль и настоящій парламентаризмъ.

7. Парламентаризмъ впервые появляется тамъ, гдѣ начинается расчлененіе общинъ на родовые союзы; благодаря классовому расчлененію въ нѣдрахъ этихъ союзовъ и внѣ ихъ, онъ принимаетъ другой характеръ, наиболѣе же полное выраженіе онъ находитъ себѣ въ обществѣ съ ярко выраженной классовой дифференціаціей. Онъ долженъ поэтому выродиться, какъ только прекращается классовое подраздѣленіе. Рабочій классъ могъ-бы, конечно, временно управлять при посредствѣ парламента, однако, тамъ, гдѣ даны всѣ условія для его продолжительнаго перевѣса, ему нельзя будетъ сдѣлать ничего лучшаго, какъ совершенно положить конецъ всѣмъ политическимъ формамъ, съ которыми связано политическое господство. Въ этомъ смыслѣ можно сказать, что парламентаризмъ является специфической системой правленія—*буржуазіи*, или лучше, учрежденіемъ, характернымъ для буржуазнаго общественнаго строя.

